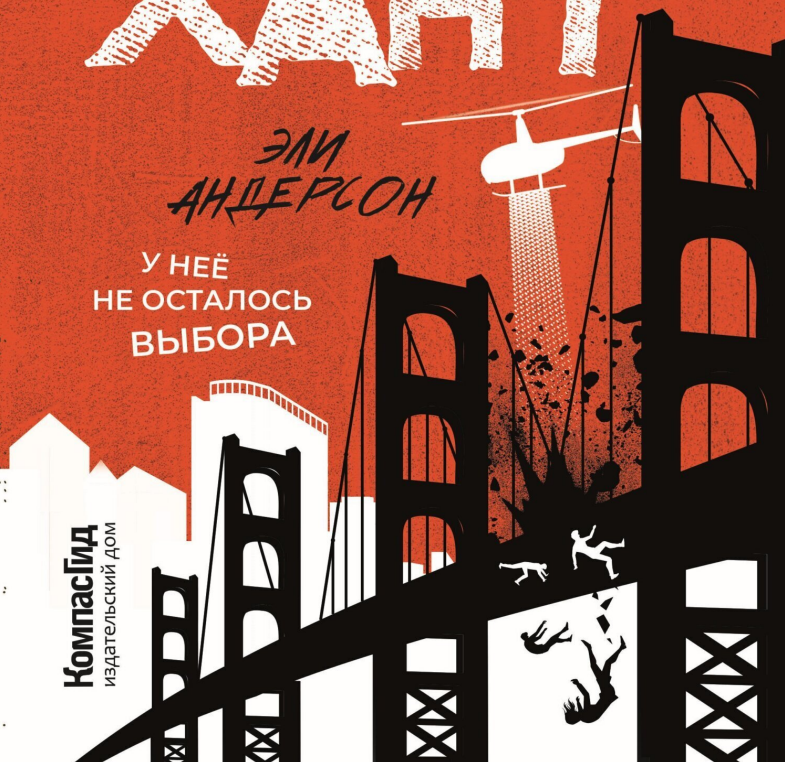

МИЛА ХАНТ

ЭЛИ
АНДЕРСОН

У НЕЁ
НЕ ОСТАЛОСЬ
ВЫБОРА

КомпасГид
издательский дом

Эли Андерсон

Мила Хант

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66955963

Мила Хант: КомпасГид; М.; 2021

ISBN 978-5-907514-19-5

Аннотация

Она умеет подчинять себе волю других, управлять людьми как марионетками – и всю жизнь скрывает этот опасный дар. Но находятся те, от кого нельзя утаить даже свой самый главный секрет.

Обычный вечер с друзьями оборачивается для семнадцатилетней Милы Хант сущим кошмаром: обвинение в убийстве, шантаж, похищение спецслужбами... Теперь девушка вынуждена работать на секретную организацию. Выбора нет: служить целям правительства – или оказаться в тюрьме, да к тому же подставить лучшего друга. Привычный город, разделённый на благополучный Центр и закрытую от остальных жителей Периферию, раскрывается перед Милой с другой стороны. Опасность здесь подстерегает на каждом шагу, а реальность оказывается удивительнее самых смелых домыслов. И пусть в этой игре она всего лишь пешка – Мила Хант обязана выиграть.

Французский писатель Тьерри Серфати публикует детективные триллеры для взрослых под своим именем, а книги для юных читателей подписывает псевдонимом Эли Андерсон.

«Мила Хант» – история, вобравшая и фантастический сюжет, и детективную интригу, и напряжённость триллера. Это продуманный до мелочей мир, в котором свои представления о социальной справедливости и отважные герои, бросающие вызов режиму. Остросюжетный роман Эли Андерсона понравится тем, кого завораживает эстетика «Голодных игр» Сьюзен Коллинз и «Дивергента» Вероники Рот.

Содержание

I. Демос	6
1	6
2	23
3	27
4	34
5	40
6	46
7	61
8	65
9	80
10	93
11	102
12	109
13	114
14	121
II. Западня	126
15	126
16	137
17	141
18	146
19	152
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Эли Андерсон

Мила Хант

*А что, если бы вы могли манипулировать
людьми?*

*Страсть – сжигает,
Власть – разрушает.
Оноре де Бальзак*

Originally published under the title *Mila Hunt* by Eli Anderson

© 2019 Albin Michel Jeunesse

© 2019 Les Editions Versilio

© Перевод, оформление, издание на русском языке. ООО

«Издательский дом «Тинбук», 2021

І. Демос

1

– Мила! Открой немедленно!

Я швыряю книгу на тахту, съезжаю на дорогой ковёр омерзительного пастельного цвета, который они постелили в моей комнате, и врубаю звук. Голос певца взмывает до пятидесяти децибел, мать упорно надрывается за дверью:

– Пожалуйста, открой!

Почему она такая упрямая? Ведь отлично знает, что будет дальше. Я не открою, она продолжит настаивать:

– Твой отец вернулся, ты могла бы немного пообщаться с ним...

Тут я заржу так, что она услышит даже сквозь музыку. И сдастся.

Моё предвидение сбывается в точности. Как и всегда. Мать в очередной раз капитулирует и уходит. Но от повторения одного и того же мне вдруг становится невыносимо скучно. И я рывком распахиваю дверь. Мать оборачивается, не веря.

– Ты выйдешь?

Невольно становится её жалко. Хотя эта женщина сама выбрала роль жертвы. А палачами назначила отца и меня.

- Зачем, по-твоему, я должна выходить?
- Папа вернулся раньше, чем планировал.
- Вечером меня не будет.
- Тем более. Он ждёт тебя.

Интересно, сама-то она верит хоть одному своему слову?

Я уступаю.

– Ладно, иду. Воспользуюсь случаем напомнить ему, как меня зовут.

– Не говори глупостей. Он любит тебя. И ты это знаешь.

– Ему плевать на меня. И ты это тоже знаешь.

И я добавляю со злостью:

– Хотя ты веришь даже в то, что счастлива с ним...

Мать опускает глаза и исчезает на лестнице. Я закусываю губу и прихожу в себя, только почувствовав вкус крови.

– Мама, подожди...

Но тут же осекаюсь. Зачем? Я возвращаюсь в свою комнату и закрываю дверь. Подхожу к высокому окну. Внизу простирается Центральный парк – с его газонами, деревьями, фонтанами и пунктиром фонарей, – а вокруг возвышается лес освещённых небоскрёбов. Это очень красиво. И это не производит на меня ни малейшего впечатления. Не знаю почему. Мой взгляд отскакивает от зданий, а воображение устремляется через реку, которая отделяет нас от Периферии.

Периферия.

Она всегда меня интриговала. Сотни вопросов роились в

голове – с тех пор как я выросла настолько, чтобы смотреть в окно. Ребёнком я донимала родителей и учителей. *Там живут люди? Кто они? Чем занимаются? Почему они никогда не приходят сюда, в Центр? И почему мы у них никогда не бываем?* Вместо ответа учителя начинали говорить о чём-то другом, словно сочтя эту тему недостойной внимания. А родители пожимали плечами с видом крайнего отвращения. С тех пор я так и не утолила своё любопытство по поводу Периферии. Мои школьные товарищи знают примерно столько же – то есть почти ничего. Она находится на том берегу реки, там грязно, серо, опасно, и, когда мы стали гулять одни, без сопровождения няnek или личных шофёров, наши родители строго запретили нам туда соваться.

Ещё известно, что люди на Периферии гораздо беднее, чем мы. Может, это действительно так. А может, не более чем легенда, порождённая незнанием. Единственное, что можно сказать точно: там могут жить только *они*. Никто из нас там никогда не бывал. «*Они*» — значит «*парии*».

Это слово тысячи раз долетало до меня из гостиной родителей, из уличных разговоров, из элегантных и неуютных бутиков, по которым мать больше не пытается меня таскать.

В глубине души жители Центра боятся Периферии, о которой ничего не знают. Само слово заставляет их содрогаться от страха и отвращения.

Порой мне стыдно жить среди них, принадлежать к элитарному мирку, самодостаточному и двуличному, – миру мо-

их родителей, моей семьи, всех моих друзей в конечном итоге. Может, кстати, поэтому их у меня всё меньше и меньше.

В школе дети Центра иногда играют в Периферию, воображая, будто пересекают реку и попадают в пугающий мир металла, бетона и гари, как в компьютерной игре. Надо поймать того, кого выбрали парией, и «предать смерти». Конечно же, никто никогда не хотел быть парией. Я ненавидела эту игру и ни разу в неё не играла. Я часто видела напуганных плачущих детей, хотевших быть солдатами Центра, а не париями. Однажды ребёнок, игравший парию, пришёл домой весь в крови и синяках и отказывался возвращаться в школу. С тех пор игру запретили. Однако легенда о Периферии продолжает жить.

Звонит телефон.

– Мы внизу.

Я узнаю серьёзный, хорошо поставленный голос Нильса. Делаю ещё шаг к окну. Головокружение мешает подойти совсем близко. Из нашего небоскрёба высотой в сорок пять этажей Нильс кажется маленькой тёмной точкой на асфальте.

– Ты один?

– Нет. Давай быстрее.

– Поднимитесь. Я ещё не готова.

– Подняться? Смеёшься? Спускайся, и поскорей.

Я прекрасно понимаю, почему никто из моих друзей не хочет ко мне заходить. В конкурсе на звание «самый отстой-

ный папаша» мой отец – абсолютный чемпион. Рвотный рефлекс гарантирован. Одна лишь мысль о случайной встрече с ним отпугивает даже самых смелых. Он не удостаивает своим посещением родительские собрания и не снисходит до того, чтобы поприветствовать моих приятелей, которые всё-таки отваживаются к нам заглянуть. Однако нескольких секунд контакта с ним достаточно, чтобы внушить антипатию. Сегодня мне это кажется смешным. Но так бывает не всегда.

– Ладно. Иду.

Я поспешно одеваюсь, не тратя времени на то, чтобы подобрать подходящую одежду, а уж тем более накраситься – никогда этого не умела. Один раз попыталась, и одноклассники весь день приставали с вопросами, не замазываю ли я синяки от побоев. А когда я вернулась домой, мать бросилась ко мне с салфетками для снятия макияжа и попросила больше никогда так не делать. В общем, у меня отпала всякая охота экспериментировать с косметикой.

Я хлопаю дверью. Достаточно громко, чтобы родители знали, что я ушла. И достаточно быстро, чтобы мать не успела прилипнуть со своими вечными наставлениями: «Не возвращайся слишком поздно» или «Ты уверена насчёт брюк? Может, лучше юбку или платье?» И, наконец, неизбежное: «Но почему ты не хочешь попросить Джеймса?..» Ей никак не понять, что это совершенно не круто, когда тебя привозит к бару или ночному клубу личный шофёр твоего папаша.

Этим вечером мы с родителями уже успели обменяться любезностями. Пару минут назад. Я спустилась в гостиную и громко кашлянула. Отец, развалившийся в кресле, оторвал мутные глаза от газеты. Посмотрел на меня так, будто я прозрачная. Я остановилась и уставилась на него.

– Добрый вечер, Мила, – произнёс он тоном, каким приветствуют секретаршу.

И нырнул обратно в финансовую статью. Мать посмотрела на меня с удовлетворением. Было такое впечатление, что она сейчас скажет: «Вот видишь, он тебя узнал!» Пытаясь его спровоцировать, я бросила:

– Ухожу. Когда вернусь, не знаю.

Он кивнул, явно не слыша. Я вздохнула.

– Меня изнасиловали в лицее, и я залетела. Сделаю аборт и вернусь.

Мать подпрыгнула. И обернулась к отцу.

– Дорогой, кажется, у Милы...

Её слова натолкнулись на ту же стену равнодушия. Она даже не закончила фразу. Слегка покраснев, мать жалко улыбнулась мне.

– Хорошего вечера, дорогая...

На этот раз я не испытала никакой жалости.

Я пересекаю холл. Консьерж мне кивает. Я, с моими чёрными нечёсаными кудрями, пирсингом в ноздре и бесполой одеждой, несомненно, воплощаю всё, что он ненавидит:

золотую молодёжь, испорченную и развращённую лёгкими деньгами. Я не отвечаю на его дежурную вежливость.

Нильс явился не один. Жанна тоже решила прийти. Её глаза налиты кровью, будто в них плеснули кислотой.

– Не могла подождать? – спрашиваю я.

– Подождать чего?

– Пока мы придём в «Dutch», чтобы накуриться.

– Накуриться, – ржёт она. – Что за бред?

– А ты разве ничего не курила?

Жанна затягивается сигаретой и закатывает глаза. Она знает, что я терпеть не могу всё, что хоть отдалённо напоминает наркоту. Меня тошнит от одной мысли, что она могла покурить травы. Я никогда не понимала тех, кто пытается спрятаться за кайфом от чего бы то ни было. Жанна выдыхает дым прямо мне в лицо.

– Ничего, кроме сигарет. Но, может, стоило, а? Чтобы быть чуть менее трезвой и не так активно отшивать тех уро-
дков, что будут клеиться ко мне сегодня вечером.

В конце концов я улыбаюсь. Жанна, безумная бунтарка, имеет объективную причину воевать против всего мира. Её родители попали в автокатастрофу. Отец погиб, а мать осталась прикованной к инвалидному креслу. Жанна любит носить платья со слишком глубоким вырезом, ругать всех и вся и вести себя вызывающе. Но мы с Нильсом знаем, что её провокации редко выходят за пределы слов или жестов. На самом же деле приключений у Жанны было не больше,

чем у меня. То есть совсем мало. Иногда Жанна пробует на прочность границы дозволенного, но исключительно для того, чтобы перезарядить батарейки. И довольно быстро возвращается к своим обязанностям, точнее, той единственной обязанности, которую считает достойной и от которой никогда не отступится, – быть рядом с матерью. Жанна, должно быть, читает мои мысли. Она ещё раз вызывающе фыркает мне в лицо и бросает быстрый взгляд на мои брюки.

– Армейские шмотки защитного цвета – это, конечно, безумно привлекательно. И краситься, когда идёшь в ночной клуб, тоже совершенно не обязательно, да. Ну, двинулись?

– Ага. Если вы закончили, то идёмте, – соглашается Нильс.

Он тянется, чтобы меня чмокнуть.

– Можно? Или врежешь?

Я улыбаюсь. Он звонко целует меня в щёку.

– Зато не тонешь в двух сантиметрах тонального крема.

Мне нравится.

«Всё-то тебе нравится, Нильс, как ты это делаешь?»

Я обнимаю Жанну за плечи, Нильса за талию, и мы трогаемся в путь. Жанна внезапно кажется мне такой маленькой, несмотря на свои каблуки, такой хрупкой. Надо сказать, что я действительно выше и сильнее её, и рядом со мной она выглядит крошечной птичкой. Я прижимаю её к себе, словно желая защитить. Так у нас с начальной школы. Мне хочется её то поколотить (и я порой поколачиваю), то защитить (за-

щищаю я её всегда). Нас обеих устраивает такое положение.

– Эй, это на меня ты должна смотреть с любовью, – упрекает Нильс.

– Я всегда смотрю на тебя как на брата.

– У тебя уже есть один.

Я слышу досаду в его голосе.

– Ты прав. Одного вполне достаточно.

Я поворачиваю голову. Эта манера Нильса погружать свой золотистый взгляд в мои глаза смущала меня ещё с детства. Ребёнком он был немного ниже меня, но разница в росте компенсировалась крепким телосложением, а особенно – интенсивностью взгляда. Порой я его била, порой плакала, не особо понимая, что меня так нервирует. И продолжала не понимать до того дня, когда он признался мне в любви. От этого воспоминания я бегу как от чумы. Сегодня сияющие глаза Нильса ничем не замутнены. И чувства тоже.

Я предпочитаю промолчать и ускоряю шаг.

– Эй, на пожар, что ли? – жалуется Жанна. – У меня, в отличие от вас, не трёхметровые ноги!

Стоит модному журналу признать «абсолютно улётным» какой-нибудь душный бар, оформленный (вопреки своему голландскому названию) в стиле украинской чайной, как это место становится обязательным для посещения. «Dutch»¹ – наглядная тому иллюстрация. И меня вполне устраивает его

¹ Dutch (англ.) – голландский. – Здесь и далее примеч. пер.

популярность. Ведь Жанна соглашается прожигать жизнь только в ультрамодных заведениях, а «Dutch» находится всего в трёх кварталах от моего дома. Когда мы выходим из ресторана, она, разумеется, тащит нас туда.

– Надо тусоваться в правильных местах, – в сотый раз втолковывает она. – Ведь туда ходят парни, у которых бабло из ушей лезет. Я таких обожаю!

Перед входом в «Dutch» – настоящая давка. Жанна тут же устремляется в очередь, раздражённо расталкивая всех, кто попадает на пути. Нильс движется следом. На его невозмутимом лице читается: «Простите, девушка не в себе, лучше её не провоцировать». И всё это – без единого слова, на одной силе характера. Нильс – он такой, да. В общем, и мне ничего не остаётся, кроме как плестись за моими друзьями, уныло повесив голову, будто я уже смертельно задолбалась тут находиться. Мы добираемся до вышибалы. Он нас узнаёт. Да и разве можно забыть выходки Жанны?

– Вам нельзя, – категорически заявляет он.

– О нет, Луис, ты не можешь так со мной поступить! – восклицает Жанна.

– Я не Луис, проваливайте.

Она встаёт на цыпочки и, прижавшись к громиле всем телом, шепчет ему на ухо:

– Теперь тебя зовут Луис. И если ты нас не пропустишь, я порву чулки, а потом закричу, что ты меня лапал, пользуясь давкой.

«Луис» сдерживает гнев и пытается трезво оценить угрозу Жанны. Перед баром полно народу, а вид у неё очень решительный. И вышибала сдаётся.

– Даже не пытайся пролезть сюда в следующую субботу, поняла? – предупреждает он, хватая Жанну за локоть.

Та грациозно высвобождается, посылает ему воздушный поцелуй и устремляется к гардеробу.

– А теперь, – заявляет Жанна, разоблачившись чуть ли не до лифчика, – срочно выпьем чего-нибудь.

– Дрянная девчонка, – улыбаюсь я.

– Зануда!

Но для начала нам приходится протискиваться через весь огромный зал, до отказа забитый людьми, – Жанна хочет посмотреть «кто тут есть». Я пару раз стукаюсь об угол стола, потом какой-то тип толкает меня, и я без церемоний его отпихиваю. На секунду мне кажется, что он нарочно. Я приглядываюсь чуть внимательней. И с удивлением вижу, что это взрослый. Старше большинства посетителей бара и поразительно спокойный среди общей взвинченной атмосферы. И, видимо, абсолютно трезвый. Нильс тут же вмешивается.

– У нас проблемы?! – агрессивно орёт он, пытаясь перекрыть ремикс какого-то хита девяностых.

– Не знаю, – улыбается тип. – Но я не имею ничего против того, что барышня меня немного подвинула.

Он говорит как-то чересчур правильно. И очень тихо. А ещё он красив – той классической, гладкой красотой, кото-

рая меня совершенно не привлекает. Безупречная причёска и слишком элегантные льняные брюки резко контрастируют с окружающей обстановкой. Мужчина смотрит на меня в упор. В его взгляде нет ни грубости, ни попыток соблазнить. Он словно прощупывает, изучает. И великолепно игнорирует Нильса, который уже начал заводиться. Мой милый Нильс, всегда ищущий случая поиграть в ангела-хранителя. Я спешу оттащить его подальше от этого типа.

– Почему ты не дала мне с ним разобраться? – с сожалением спрашивает Нильс.

– Потому что я уже достаточно большая и могу постоять за себя. Успокойся. Жанна права. Мы пришли повеселиться.

Жанна тут же выныривает из толпы с тремя стаканами, полными почти до краёв.

– Что это? – интересуюсь я.

– Не беспокойся, я сама приготовила.

– Это-то меня и беспокоит.

Нильс возвращается к нашему разговору.

– Но если мне хочется тебя защищать?

Я улыбаюсь. Хотя он-то стремится, чтобы я воспринимала его всерьёз.

– Любить тебя, как никто другой, и защищать – разве нельзя? А? – настаивает Нильс.

Кто-то толкает меня, и я проливаю половину своего джина-водки-не знаю-чего-ещё. Плевать. Всё равно терпеть не могу алкоголь.

– Последний раз, когда мы об этом говорили, мы потом не виделись полгода. И мне тебя очень не хватало. Так что перестань.

– Но...

– Хватит. Пожалуйста...

Я тут же жалею, что говорила слишком холодно. Нильс улыбается и принимается танцевать с деланой весёлостью.

– Мне нужно подвигаться!

Он протягивает свой стакан Жанне и устремляется к танц-полу. Какая-то девушка подмигивает ему, и Нильс начинает отрываться по полной; девица не отстаёт. Я всегда умиляюсь, когда он пытается вызвать мою ревность.

– Почему ты позволяешь ему зажигать с другими?! – кричит Жанна, отхлёбывая из стакана Нильса.

– Потому что вы – единственные, с кем я подружилась за семнадцать лет жизни. Представь, можно просто дружить с парнем!

– А классно, наверное, закрутить роман с лучшим другом! Наконец кого-то будет интересовать не только твоё тело!

Я чокаюсь с ней.

– Это будет непоправимо.

– Да, точно. Не стоит тебе спать с Нильсом. Он слишком влюблён. Начнёт переживать, обливаться слезами. Получится ужасно неловко.

Жанна мотает головой и хохочет, обнимая меня за талию. Потом, сильно прищурившись, оглядывает зал. Эта дурёха

упрямо отказывается носить очки на людях.

– А он кто? Тот секс-символ, который ест тебя глазами с тех пор, как мы вошли?

Даже не хочется оборачиваться. Во-первых, ненавижу, когда Жанна задаётся целью найти мне парня. Во-вторых, я почему-то и так знаю, о ком она говорит. Я начинаю ёрзать, как всегда, когда расстроена или нервничаю. Или чувствую близкую опасность. Музыка взрывается прямо в кишках, Жанна орёт в ухо:

– Перестань разыгрывать недотрогу! Если ты не отвечаешь на взгляд парня, который на тебя смотрит, другая отобьёт его в течение девяти секунд! Об этом писали в журнале!

Что-то – притяжение пропасти или глупость – заставляет меня обернуться. Да, интуиция не подвела. Это действительно *он*. Я притворяюсь равнодушной.

– Ты говоришь о том старике?

– Старике! – Жанна закатывает глаза. – Ему лет тридцать пять всего! Не возраст, а мечта!

Она хватается за руку и принимается поучать.

– А тебе кто нужен? Прыщавый малолетка, который будет рыскать по твоему «Инстаграму», пытаюсь понять, хочешь ли ты с ним встречаться?

Жанна права в одном: тот тип на меня пялится. И, видимо, делает это с момента нашей стычки. Внутри поднимается тревога, говорящая: «Беги прочь. И побыстреей». Но я, разумеется, поступаю наоборот. Ставлю стакан, сую руки в кар-

маны и начинаю пробираться сквозь толпу прыщавых малолеток, о которых говорила Жанна, пока не оказываюсь прямо перед *ним*.

– У вас какие-то проблемы?

– Никаких.

Его ответ я читаю по губам.

– Тогда перестаньте на меня пялиться!

Я совершенно естественно говорю ему «вы». Он, правда, не стар. Но этот его вид – молодого профессора, о котором фантазируют студентки, – сильно напрягает. Мужчина откидывает со лба каштановую прядь и застёгивает рубашку на все пуговицы, видимо, сочтя её слишком сильно открытой. Я успеваю увидеть его идеальный торс. Жанна опять права. Он красив, пускай лично мне и не кажется сексапильным. К тому же этот тип, похоже, вовсе не пытается меня закадрить.

– Я не привык к подобного рода заведениям, – признаётся он.

– Тогда отправляйтесь домой.

Я собираюсь отойти от него, но он мягко меня останавливает.

– Я хочу поговорить с вами. Давайте выйдем?

Я молниеносно высвобождаюсь.

– О чём нам разговаривать?

– На минутку, – обещает он. – Мы встанем у дверей. Вышибала порвёт меня в клочья, если я попытаюсь сделать с вами что бы то ни было.

Я обращаюсь к Жанне. Она поднимает вверх кулак и издаёт боевой клич. Словно подбадривает лошадь на скачках. Внезапно и совершенно иррационально я опять чувствую себя в опасности. *Просто пошли его подальше!*

– Не бойтесь, – настаивает тип. – Я всего лишь хочу предложить вам сделку.

– Сделку? Чушь собачья! Ладно, хватит. Я...

– Вам угрожает опасность. И Нильсу тоже.

Я замолкаю. Не веря своим ушам, отыскиваю Нильса среди колыхающейся на танцполе толпы. Кажется, он в полном порядке. На шее висит та девица.

– Всего минуту, – говорит незнакомец. – Поверьте.

Он подталкивает меня к выходу всё с той же мягкой решимостью. На другом конце зала Жанна ликует.

На свежем воздухе меня пробивает дрожь. Сделав несколько шагов, я останавливаюсь. На мой вкус, мы и так уже слишком далеко от двери.

– Говорите, что вам нужно. И поторопитесь, минута почти прошла.

Мужчина делает шаг ко мне – он словно парит в нескольких сантиметрах над землёй. При свете фонарей его лицо кажется очень бледным. Вид у незнакомца какой-то странный. Нечто среднее между удивлением и испугом. Он открывает рот, пытаюсь заговорить, но не издаёт ни звука. Его руки вздрагивают, лицо искажается, глаза закатываются. Я в ужа-

се отскакиваю в сторону. И чудом уворачиваюсь от сотрясаемого конвульсиями тела, которое грохается на мостовую рядом со мной.

2

Крики выводят меня из ступора. Я стою, пошатываясь, над телом, скорчившимся в неестественной позе. На губах мужчины пузырится пена, расширенные зрачки похожи на чёрные дыры. Я падаю на колени и трясу его.

– Что с вами?! Очнитесь!

Я понимаю, что веду себя глупо, но меня захлестывает паника. Лезу дрожащей рукой в карман. Телефона там нет. Я бросаюсь к первому попавшемуся человеку из тех, что толпятся вокруг.

– Вызовите скорую! Скорее!

Охранник бара пробирается к нам, расталкивая зевак. Так же бесцеремонно он отпихивает и меня. Потом прикладывает два пальца к шее этого типа. И, перевернув на спину, начинает делать массаж сердца.

– Разойдись! – рычит вышибала. – А то скорая не проедет!

У меня звенит в ушах. Или я уже слышу сирены вдалеке? Вдруг какая-то девушка выходит из толпы и, указывая в мою сторону, кричит:

– Это она! Она!

По-прежнему стоя на коленях, я с недоумением оглядываюсь. Полиция приезжает одновременно со спасателями. Девушка истерически вопит:

– Я их видела! Они поссорились, а потом она его убила!

Полицейские тут же окружают меня.

– Расскажите, что произошло, – приказывает один из них.

Я не могу произнести ни слова. Аппараты, которыми врачи уже облепили грудь незнакомца, словно гипнотизируют меня. Непрерывный писк и прямая линия кардиограммы на маленьком экране. Это как удар под дых. Голова кружится так сильно, что полицейский вынужден поддерживать меня, чтобы я не упала.

– У неё оружие в кармане! Говорю вам! – причитает девица.

Этот визг мучает меня даже больше, чем вой сирен. Хочется придушить её. Я пытаюсь освободиться от хватки полицейского и подойти к безумной девице.

– Что за бред ты несёшь?! Психованная! Я ничего не делала!

– В кармане! – вопит девица, которую никто даже не пытается успокоить.

Я перевожу взгляд с неё на мёртвого типа у моих ног, потом на жандармов. Сердце выпрыгивает из груди.

– Я его даже не знаю! Он прилип ко мне в баре. Попросил выйти с ним, чтобы поговорить...

– И вы согласились?

– Он сказал, что мне угрожает опасность. И моему другу тоже!

Полицейский смотрит скептически. Если я ещё расскажу, как этот человек назвал Нильса по имени, хотя они не знако-

мы, и как меня охватило необъяснимое чувство опасности, он точно решит, что я рехнулась.

– Пройдёмте со мной, – произносит полицейский.

Он подводит меня к машине и заставляет положить руки на крышу. Начинается обыск. Жандарм хлопает по карманам моей куртки и вдруг останавливается. Рука в перчатке скользит внутрь. И что-то вытаскивает. Я поворачиваю голову. Это шприц. С длинной иглой. Я бледнею.

– Это не моё! Понятия не имею, откуда он взялся!

К нам с победоносным видом подсакивает девица.

– Она держала это в руках, когда они ссорились... О нет, какой ужас! Она правда его убила!

Девица раздражается рыданиями. Кто-то обнимает её и уводит прочь. Полицейский открывает заднюю дверцу и толкает меня в машину. Я быстро выворачиваюсь из его рук и начинаю шарить по карманам.

– У меня в куртке не было ничего, кроме телефона! Где он? Я хочу позвонить родителям!

– В участке разберёмся.

Он буквально запикивает меня на заднее сиденье, плюхается рядом и захлопывает дверь. Машина прокладывает дорогу среди толпы, становящейся всё больше. Истерическая девица куда-то испарилась. Полицейский на ходу ставит на крышу мигалку и включает сирену. Я всматриваюсь в толпу, молясь, чтобы Жанна и Нильс вышли на улицу, забеспокоившись, куда я подевалась. Слезы застилают глаза. Я чувствую,

что моих друзей тут нет. Жанна сейчас, наверное, радуется, думая, что взрослый красавец зажимает меня где-нибудь в тёмном углу бара «Dutch». А Нильс обижается, что я опять его послала, и мечтает, чтобы я оказалась как можно дальше отсюда. И не догадывается, что его желание уже сбывается.

– Куда вы меня везёте? Пожалуйста, можно я позвоню отцу!

Полицейские не отвечают. Их каменное молчание вгоняет в тоску. Я продолжаю настаивать.

– Послушайте, я имею право...

Я не успеваю закончить фразу. Что-то колет меня в плечо. Я поворачиваюсь, пытаюсь поднять руку, – тщетно. Голова начинает внезапно кружиться. Растущие вдоль дороги деревья вытягиваются и начинают двоиться, улица искривляется, фигуры прохожих мерцают и дрожат. Тело немеет, и я проваливаюсь в глубокую тьму.

Я открываю глаза. Жестокий свет сверлит череп.

Я по-прежнему сижу на заднем сиденье полицейской машины. Сколько времени я была без сознания? Голова ужасно тяжёлая. Совершаю сверхчеловеческое усилие, чтобы выпрямиться и оглядеться. Машина стоит во дворе здания без каких-либо опознавательных признаков. Я не понимаю, где я. Место мне незнакомо.

– Что... что вы со мной сделали? – хнычу я, массируя плечо, которое всё ещё болит.

Голос у меня густой и липкий, как тесто.

Вместо ответа полицейские вытаскивают меня из салона и волокут к двери. Мы входим в тускло освещённый коридор. Мне на глаза нацепляют чёрную повязку и толкают вперёд.

Кажется, мы идём бесконечно долго. Я вся вспотела. Сердце бешено стучит. Хочется кричать, но почему-то не получается. Я не должна сломаться. Всё уладится. Жанна, может, слишком увлечена своей ролью модной девчонки в крутом баре, но Нильс быстро заметит моё отсутствие. Стук наших шагов по кафельному полу взрывается у меня в голове как пулемётная очередь.

Нильс, умоляю, брось эту девку, выйди, поговори с вышибалой и копами, которые ещё торчат там, ищи меня. Расспрашивай. Позвони моей матери. Моему отцу. Да, напомни

ему о моём существовании. Пусть он задействует свои связи, чтобы вытащить меня из этого кошмара. Он же крупный бизнесмен, которому всё подвластно. Так пусть сгодится мне хоть на что-нибудь. Хоть раз.

Мы идём и идём. Поворачиваем десять раз. Сто раз. Я уже не знаю. Наконец полицейский останавливает меня и развязывает повязку. Она падает на пол в тот момент, когда дверь у меня за спиной захлопывается.

Я оглядываюсь вокруг, протирая глаза. Я одна. В пустой круглой комнате. Яркий белый свет хлещет с потолка. Я слышу своё прерывистое дыхание. Мои кулаки сжаты. Мускулы напряжены. Я как загнанный зверь, готовый прыгнуть в любую секунду. Готовый воспользоваться малейшим шансом, чтобы вырваться на свободу. Дверь открывается. Я бросаюсь туда. Но натываюсь на железный кулак. В следующую секунду я уже лежу лицом вниз, с заломленной за спину рукой. С моих губ срывается хриплый стон.

– Пустите...

– Успокойтесь, Мила. Я вас отпущу, если вы не будете рыпаться. Не заставляйте меня причинять вам боль.

Я тут же узнаю этот голос.

– Вы?.. *Вы!*

Это всё, что я способна произнести. Я даже забываю про боль в заломленной руке. Меня захлестывает гнев. И столь же сильное недоумение.

– Мы ведь, напротив, хотим вам исключительно добра, –

продолжает он.

Кажется, ему искренне жаль, что он сделал мне больно. Он отпускает меня. Но не сразу, а медленно, чтобы проверить, как я поведу себя. Я оседаю на пол и поднимаю глаза.

Он выглядит ещё более взрослым, чем в баре. Лёгкий, изящный силуэт. Благородные манеры. Он уже переделся. Теперь на нём элегантный чёрный костюм и рубашка с галстуком. И главное – никаких следов пены на губах и судорог.

– Что это значит? Во что вы играете?

– Я всё объясню.

– Нет! Не надо ничего объяснять! Я хочу, чтобы вы просто отвезли меня обратно в «Dutch» или домой! А завтра мой отец спустит на вас всех адвокатов этого мира...

– Мы так не думаем, – произносит новый голос, который, кажется, исходит отовсюду.

Я оборачиваюсь и вижу её. Она меня внимательно разглядывает. Потом делает шаг в мою сторону. Долговязая и почти воздушная, несмотря на свою военную выправку. Её коротко подстриженные волосы до того белы, что отливают фиолетовым. Высокие скулы, угловатость всех черт лица и линий тела. Эта женщина здесь с самого начала? Я снова смотрю на её лицо. Серые глаза, тонкие губы. У неё нет возраста.

– Добро пожаловать, мисс Хант. С доктором С. вы уже познакомились...

Женщина улыбается, и от этой улыбки мне становится жутко.

– Отвезите меня домой, если не хотите неприятностей!

Мой голос срывается на визг.

– Мила, разрешите представить вам леди А., – спокойно говорит С.

– Катитесь к чёрту со своим безумным алфавитом! Где мы? Я думала, меня отвезут в участок... Кто были эти люди? И кто вы такие?

Леди А. хмурит изящные брови, обмениваясь быстрым взглядом с С. И отступает назад. Кажется, от моих воплей её мутит, как от дурного запаха.

– Это действительно были полицейские, – отвечает С. – И вы на самом деле в участке... можно так сказать... в несколько специфическом участке...

Леди А. принимает эстафету.

– Вы находитесь в Федеральной службе разведки. В отделе, который занимается искусственным интеллектом. И попали вы сюда, поскольку, хоть вы и преступница, мы решили дать вам шанс.

Я растерянно смотрю на неё. Потом тщетно пытаюсь прочитать хоть какое-то объяснение на безмятежном лице С.

– Вас зовут Мила Хант, – продолжает она. – Тридцать семь минут назад вас задержали с поличным на месте убийства. Свидетели утверждают, что вы о чём-то спорили с жертвой, между вами произошла ссора. Врачи констатировали у пострадавшего биологическую смерть. Через пару часов у нас на руках будут результаты вскрытия и анализов.

Она сообщает всю эту информацию со скучающим видом.

– Результаты покажут, что в крови у вашей жертвы содержится сильнодействующий яд. А при обыске у вас нашли орудие преступления, – продолжает она, пока С. помахивает перед моим носом пластиковым пакетом со шприцем. – И тут – самый неприятный момент всей этой истории.

Она пристально смотрит на меня.

– Самый неприятный *для вас*, мисс Хант.

Не веря своим ушам, я перевожу взгляд с одного на другого.

– Какое убийство? Он жив! И смеётся надо мной. Как и вы!

С. приближается ко мне. Вид у него почти смущённый.

– К сожалению, свидетели, врачи и полицейские поддержат не вашу версию, а ту, которую изложила леди А.

– Или это совершенно идиотская шутка, или вы оба слетели с катушек!

Они молча смотрят на меня. Я прихожу в крайнее замешательство.

– Если вы из полиции, вы знаете, что я имею право на телефонный звонок.

– Лучше постарайтесь осознать серьёзность вашего положения, – говорит леди А.

Её голос ещё холоднее, чем раньше. Видимо, она решила положить конец всем моим надеждам.

– Вас обвинят в преднамеренном убийстве. Несмотря на

ваши семнадцать лет, вы имеете все шансы схлопотать пожизненное.

Она выдерживает паузу, затем продолжает:

– А мы даём вам шанс этого избежать.

Я не отвечаю. Если меня загнали в западню и пытаются повесить убийство, я должна использовать все способы, чтобы спастись. Даже *этом*. Переступить мой собственный запрет, мой внутренний закон, моё тайное решение. То, что я собираюсь сделать, пугает меня даже больше, чем эти люди. Но другого выбора нет.

Леди А. словно читает мои мысли.

– Не совершайте самую досадную ошибку вашей короткой жизни, мисс Хант, – предупреждает она. – Ваша способность феноменальна. Не используйте её столь неосмотрительно. Мы здесь именно для того, чтобы помочь вам научиться управлять вашим даром. Но если вы направите его против нас, с вами будет покончено.

– О чём вы?!

Леди А. качает головой. Мои слова её раздражают. Или утомляют.

– Неподходящий момент, чтобы ломать комедию, – говорит она. – Мы и так потеряли слишком много времени. А его у нас в обрез. Мы говорим о вашей психической способности, и вы это прекрасно понимаете.

С потолка спускается тонкий прозрачный экран. Леди А. включает его с помощью небольшого пульта.

– Но если вам действительно необходимо освежить это в памяти...

На экране появляются картинки. И кровь застывает у меня в жилах.

– Узнаёте эти фотографии? – спрашивает леди А. – Полюбуйтесь, вам всего пять лет, а вы уже в стороне от других детей.

Она берёт меня за подбородок и заставляет посмотреть на экран.

– Это вполне объяснимо, – продолжает леди А. – Все боются вас. Девочку, которая умеет *управлять людьми*.

Её пальцы такие же ледяные, как воспоминание, которое поднимается на поверхность.

Моё лицо залито слезами. Остальные девочки играют и смеются. Смеются, потому что им весело. А ещё потому, что они запретили мне играть с ними. И радуются, что я плачу. Они злые. Я спряталась во дворе за деревом и с завистью смотрю на них. Я хочу играть с вами. Позвольте мне играть с вами. Я думаю об этом изо всех сил. Думаю, глядя на них. Какое-то время они ещё продолжают смеяться. Потом та, на которую я смотрю, – самая насмешливая – вдруг перестаёт прыгать через резиночку и приближается ко мне. Она не понимает, почему поступает так. А я знаю. Я уже проделывала это с Диего, нашим псом. Он убежал от меня и не хотел слу-

шаться, тогда я подумала очень сильно, будто была прямо у него в голове. Я – Диего, я возвращаюсь к Миле. И он тут же подбежал ко мне. Я тогда не обратила особого внимания на то, что произошло. Просто я хотела, чтобы Диего вернулся. И это получилось. Вот и всё. А теперь то же самое – с вредной девчонкой и её резиночкой. Она начинает кричать, она ужасно злится. Но при этом берёт меня за руку и ведёт к остальным. Она кричит ещё громче, трясёт головой – и подталкивает меня к резиночке, как если бы кто-то другой двигал ею. Я начинаю прыгать. Я смеюсь сквозь слёзы. А три девчонки вопят, но не могут сдвинуться с места, чтобы меня прогнать. Но потом на шум приходит воспитательница – и всё портит. Сначала она не может понять, что они пытаются ей объяснить:

– Мы не хотели играть с ней, но она...

Воспитательница поворачивается ко мне.

– ...она нас заставила!

Воспитательница пытается успокоить девчонок, глядя на меня с каким-то странным выражением. Поэтому я убегаю и снова прячусь за деревом. Но я больше не плачу. Я довольна. Я заставила их поиграть со мной...

– ...Дети боятся вас, – кивает леди А. – Уже в этом возрасте. Они жалуются, что им приходится делать что-то, чего они совсем не хотят. Когда вы рядом. И учителя, и родители против того, чтобы вы проводили время с другими детьми.

Ни одна девочка никогда не приглашает вас к себе в гости. Как вы думаете, почему?

Я задыхаюсь в этой запертой комнате. Мне нужен воздух, я хочу выйти отсюда.

– Посмотрите на следующее фото, – продолжает она. – Здесь вам тринадцать. Это баскетбольный матч, и вы на скамейке запасных. Хотя вы – лучшая по всем спортивным дисциплинам. Но вас не желает брать ни одна команда... По правде говоря, никто не понял, почему ваша одноклассница стала биться головой о железную дверцу своего шкафчика – помните, в раздевалке, когда вы остались с ней вдвоём.

Я изо всех сил сопротивляюсь нахлынувшему воспоминанию. И всё же её имя возвращается ко мне, как бумеранг: Джейн. Тут же всплывает и сцена, повторявшаяся каждую перемену. Джейн отдаёт приказ, и остальные девчонки меня бьют. Конечно, я ждала момента, когда окажусь с ней наедине, чтобы взять реванш.

– Никто не любит вас, мисс Хант. Вот почему вы всегда на скамейке запасных. *Никто вас не любит.*

Каждое её слово, каждый слог словно перемальывает мне кости. Леди А. наносит решающий удар:

– Даже ваша семья.

Я чувствую, что пол уплывает из-под ног. С. пытается поддержать меня, но я отталкиваю его, продолжая сопротивляться:

– Зачем вы делаете это со мной? Что вам нужно?

Леди А. не слушает. Она продолжает, как если бы я была внимательной ученицей на её жестокой лекции.

– Но вот что странно, действительно странно. С четырнадцати лет у нас больше нет фотографий, запечатлевших вас *в деле*. Но есть другие снимки. Не менее любопытные в своём роде.

Я смотрю на новую картинку, занимающую весь экран. Два подростка смеются взахлёб. *Мы* смеёмся взахлёб, он и я.

– Нильс, – шепчу я.

– По крайней мере, – снисходительно бросает она, – мы нашли хотя бы одного человека, который вас любит.

– Он не имеет ко всему этому никакого отношения!

Леди А. в очередной раз не обращает внимания на мою реакцию.

– Все эти годы вы вели себя очень осмотрительно, – признаёт она. – Настолько осмотрительно, что до сих пор мы единственные знали обо *«всём этом»*, как вы выражаетесь. Тем не менее, мисс Хант, вы должны признать и принять вашу феноменальную способность. Перестать её стыдиться. Научиться говорить о ней как о *даре*, об огромном преимуществе.

Я называла это иначе – *проклятием*. И сделала всё, чтобы похоронить как можно глубже в себе. Леди А. вскрыла мой череп своими режущими словами, выпотрошила самые тёмные уголки памяти, стремясь откопать этот ещё не остывший труп.

– Чего вы от меня ждёте?

– Что вы снова начнёте делать то, что у вас так хорошо получается, – произносит С., немного отступая назад.

– Вы хотите меня заставить... применять мою способность? Рассчитываете воспользоваться мною?

– Какой ограниченный взгляд! – возражает леди А. – Скорее мы предлагаем вам почётную возможность послужить родине. Добавить свой кирпичик в прекрасное здание, которое мы строим.

– Плевать я хотела на ваше здание! Вы мне отвратительны со своим шантажом!

– Конечно, у вас есть право предпочесть суд и тюрьму.

– Да вы блефуете! Вы не сможете доказать, что я кого-то убила!

Я уже готова вцепиться ей в горло, но тут вмешивается С.

– Мила, прошу вас, ведь это и для вашего блага в том числе. Чтобы вы смогли жить – такой, какая вы есть.

– Не трогайте меня! Ненавижу лицемеров! Вы как пёсик у её ног! Мне вас жалко! Я ничего не буду делать для вас!

От крика мне немного легче. Но в целом ничего не меняется. *Пёсик*, виновато улыбаясь, отступает назад. И теперь между мной и леди А. нет никакого буфера.

– Уведите её, – приказывает она. – Пусть судья Фарелл подпишет приказ о немедленном задержании. До суда она должна находиться под усиленной охраной. И позаботьтесь о пайке.

Леди А. поворачивается ко мне, продолжая обращаться к С.

– А среди заключённых распространите информацию: мисс Хант – опасная психопатка. Она похитила маленького ребёнка и расчленила его. Живого. И да, позаботьтесь, чтобы она не оказалась в камере одна.

Леди А. уже на пороге, готовая выйти из комнаты. Вдруг она останавливается и ослепительно улыбается, словно ей в голову пришла блестящая идея.

– А завтра проведите обыск у Нильса Стернберга. И пусть у него на кухне, в духовке, найдут обгорелые куски плоти – всё, что осталось от маленькой жертвы.

Она снова улыбается.

– Это превратит его в вашего сообщника, мисс Хант. Очень жаль. Такой милый молодой человек.

Я падаю на колени, у меня кружится голова. Лицо Нильса вертится вокруг с бешеной скоростью. Фотография, где мы смеёмся захлёб. Тень ложится на его черты. Ледяные белые руки словно растирают меня в порошок.

– Подождите, – выдыхаю я.

Леди А. остаётся стоять спиной ко мне, но в её голосе я слышу удовлетворение.

– Мы не сомневались, что вы проявите патриотизм.

Машина бесшумно въезжает в железные ворота. Створки со стуком закрываются. Эхо гуляет по огромному двору, окружённому высокими бетонными стенами. С. только что снял повязку с моих глаз. Свинцовое небо грозит нас раздавить. В глубине двора возвышается шестиэтажное здание с небольшими зарешеченными окнами.

Я вопросительно смотрю на С.

– Это государственная тюрьма. Особо охраняемая часть. Здесь сидят серийные убийцы, люди с тяжёлыми психическими патологиями, опасные для самих себя и, разумеется, для окружающих.

С. обводит взглядом серые стены, похожие на крепостные, и три застеклённые сторожевые вышки.

– Наблюдение осуществляется с помощью камер и датчиков давления, вмонтированных в пол. Сторожевые вышки оснащены системами распознавания движения, которые фиксируют все подвижные элементы в радиусе трёхсот метров. В том числе за стенами, толщина которых двадцать сантиметров. Фиксация происходит днём и ночью. И даже в густом тумане.

Я обхватываю себя руками, пытаюсь унять дрожь. То ли от его слов, то ли от холода меня всю трясёт. С. смотрит на часы.

– Через пятьдесят семь секунд все системы безопасности будут отключены.

– Зачем?

– Чтобы дать вам возможность проявить себя... показать, сможете ли вы служить родине.

Я гляжу на него с беспокойством.

– Вы будете меня проверять? Проверять мою способность?

– Через тридцать восемь секунд из здания выйдет человек.

– Нет, пожалуйста...

– Полгода назад он похитил семилетнего мальчика. Неделю продержал в камерке метр на метр, морил голодом и пытал. Потом убил и скормил своим бульдогам. Нашли только часть тела.

Я каменею от его слов. Неимоверным усилием воли подавляю рвоту. И бормочу:

– Я не могу... я не хочу никого убивать...

– Разумеется, он приговорён к смертной казни. А вы, по сути, избавите его от электрического стула. Это даже как-то слишком благородно, нет?

У меня едва хватает сил помотать головой.

– Дверь его камеры разблокирована. И всё устроено так, чтобы он без помех добрался до этого двора.

С. глядит на меня в упор.

– Мила, представьте, что он мог бы похитить вашего ма-

ленького брата. И выполните это задание для вашей родины так, как если бы делали его для себя.

С. отступает в тень крыльца. Я оборачиваюсь. Дверь здания открывается, и в проёме возникает высокий силуэт. Костлявый, бритый налысо человек нервно осматривает двор. Он замечает меня и на мгновение застывает. Наши взгляды встречаются на несколько секунд, которые кажутся мне столетием. Потом он видит железную лестницу на угловом строении, примыкающем к ограде тюрьмы, и бросается туда. Поставив ногу на первую ступеньку, человек оглядывается вокруг, словно не веря своей удаче. Снова смотрит на меня. И начинает подниматься.

Я медленно делаю шаг в его сторону. Он карабкается довольно неловко, но уже достиг третьего этажа. Сзади раздаётся шёпот С.:

– Не дайте ему уйти.

Я ускоряю шаг, пересекаю двор. Ветер, мечущийся меж стен, закручивается вокруг меня. Когда я добегаю до лестницы, человек уже исчез из поля зрения. Я тоже начинаю подниматься, дрожащей рукой цепляясь за перила. Сердце выпрыгивает из груди.

На самом верху сильный порыв ветра почти сбивает меня с ног, и я в последний момент хватаюсь за бортик ограждения. До сторожевой вышки всего несколько метров. Вниз я стараюсь не смотреть. Прижавшись спиной к ледяной бетонной стене, оглядываю крышу. Человек бежит пригнувшись.

Он уже добрался до угла здания. Бросаю взгляд во двор, на крыльцо. С. исчез. Осторожно смотрю, что находится снаружи, за тюремной оградой. Вдоль всей стены натянута колючая проволока, между рядами которой щетинятся острые железные пики. Я снова прижимаюсь к стене. Закрываю глаза и глубоко дышу, пытаюсь избавиться от накатившего головокружения. Начинает накрапывать дождь. Холод пробирает до костей. Когда я вновь открываю глаза, беглец уже остановился. Он стоит лицом ко мне. Мысль о жутком убийстве, которое он совершил, наполняет меня ужасом. В то же время от его беспорядочных движений и обезумевшего вида веет чем-то иррациональным и отчаянным.

«Вы будете послушны, мисс Хант».

Я ловлю взгляд убийцы и проникаю в его мозг.

– Возвращайся.

Я слышу свой собственный голос, звенящий в чужом черепе. Это как оплеуха. Машинально сжимаю голову руками. Впервые за много лет я снова прибегаю к своей силе, и мне хочется отмотать всё назад, не делать ничего.

«Вы будете послушны, мисс Хант».

Заключённый оборачивается. Выпученные глаза на измождённом небритом лице. Он тоже подносит ладонь ко лбу.

– *Возвращайся*, – повторяю я в его голове.

Он дёргается, шатается, борется. Потом, сдавшись, плетётся обратно. Кажется, каждый шаг причиняет ему боль, но он не сопротивляется моему приказу. Вот он уже в десяти

метрах от меня. Его лицо искажено страхом. Он странно извивается, будто борется с собственной курткой.

– *Встань на бортик*, – бормочу я.

Человек трясёт головой, стонет. Не спуская с меня глаз, он поднимает ногу и взбирается на ограждение. Внизу – пустота. Колени убийцы дрожат, всё тело содрогается от икоты. Он покачивается, пускает слюни и плачет. Прижимает к животу кулак.

Внутри меня всё корчится. Хочется заорать и убежать. Но слишком поздно. Я концентрируюсь и отдаю последний приказ.

И он прыгает.

Тело опрокидывается вниз, как соломенное чучело. Падение кажется невыносимо медленным. Такое чувство, будто оно состоит из миллиона кадров. Нога ударяется о стену, корпус слегка поворачивается. И вот наконец тело натывается на ограду. Глухой звук удара взрывается в моей голове. Я зажмуриваюсь, не помня себя от ужаса. Хочу вздохнуть – и не могу. Соскальзываю вниз по стене сторожевой вышки, скрючившись как от боли. Задираю голову кверху – и воздух наконец врывается в мои лёгкие. С трудом поднимаюсь, опираясь на бортик, и после секундного колебания перегибаюсь через край.

Ноги моей жертвы запутались в колючей проволоке, железные пики насквозь пронзили грудь. Лицо повёрнуто ко мне, и я не могу отвести от него взгляд. Смотрю и смотрю на

кровь, текущую из носа и рта. Какой-то пронзительный звук переполняет меня и выплёскивается наружу, становясь всё громче. Я пытаюсь защититься от него, он рвёт барабанные перепонки, сотрясает тело.

И тут до меня доходит, что это мой собственный крик.

Закрывать глаза, а потом открыть в надежде, что всё изменилось. К этому ритуалу я прибегаю с детства. И он не помогает.

Я по-прежнему в белой комнате. Пустой. Ледяной. В голове крутятся беспорядочные обрывки воспоминаний последних двух часов. Ужасающие. Вот я вхожу в здание, дрожащая и в то же время оцепенелая, словно не в себе, будто я покинула своё тело и сознание и просто смотрю фильм про семнадцатилетнюю девушку, убившую человека. На обратном пути С. опять завязал мне глаза. Кажется, он не произнёс ни слова за всю дорогу.

Может, я умерла? Поэтому мне так холодно? С. сидит напротив. Я смотрю мимо него.

– Мила.

Я не отвечаю, но поневоле перевожу взгляд на С. У него такой вид, будто ничего страшного не произошло. Красивое лицо совершенно спокойно. Дорогой костюм по-прежнему в идеальном порядке, волосы приглажены, словно их выровняли по линейке. Да настоящий ли он? Вдруг это просто ультрасложная машина, киборг с безупречной осанкой, запрограммированный на то, чтобы не рассуждая выполнять любые приказы? С. наклоняется ко мне и заглядывает в глаза.

– Было ведь не очень сложно? – спрашивает он с искрен-

ним участием.

Вопрос явно лишний. Я замахиваюсь. С. молниеносно перехватывает мою руку.

– Чего же тут сложного? – цежу я сквозь зубы. – Вы всего лишь заставили меня убить человека.

– Убивать всегда тяжело, – подтверждает он. – Но вы должны успокоиться.

– А если я проделаю с вами то же самое, что с ним? Просто чтоб успокоиться.

– Это будет *очень* плохая идея, – произносит голос у меня за спиной.

Я даже не пытаюсь зажмуриться. Вся магия мира бессильна против него. Тонкие каблуки стучат по полу. С. отпускает мою руку и отодвигается. Я разглядываю леди А. с головы до ног. Без вызова. Всё в ней меня завораживает. И одновременно ужасает. Леди А., должно быть, привыкла производить такое впечатление. Она даёт мне время полностью прочувствовать, какое влияние оказывает на людей – и на меня тоже.

– Даже не пытайтесь нам угрожать, мисс Хант. Если вы используете свою власть против нас, вы горько пожалеете. Мы не обладаем вашей способностью, но имеем средства контролировать её.

– Чем докажете?

– Давайте, рискните. Попробуйте – и закончите свои дни в тюрьме. И не только вы, как я уже говорила. Ваш товарищ

Нильс Стернберг с удовольствием составит вам компанию.

Её тон смягчается, под конец леди А. даже улыбается. Она знает, что я уже капитулировала.

– Вы великолепно справились с заданием.

– Зачем вы заставили меня это сделать? – задыхаясь, спрашиваю я.

Леди А. вздыхает.

– Демонстрация ваших невероятных способностей была очень убедительна. Вы произвели на нас впечатление.

Она неопределённо улыбается, совершенно не интересуясь моей реакцией. И отходит в глубину комнаты. В своём бежевом брючном костюме она почти сливается с интерьером.

– Когда наш друг доктор С. впервые рассказал нам о вас, – продолжает она, не оборачиваясь, – надо признать, мы сомневались.

Услышав, как леди А. говорит о себе во множественном числе, я сначала решаю, что она страдает манией величия. Но потом понимаю: дело в другом. Леди А. воспринимает себя как звено цепи, частицу этого государственного всемогущего «мы», где никто не существует сам по себе.

– Ваш дар поистине замечателен. Вы понимаете, какие необозримые возможности он открывает?

– Нет.

– Разумеется, да. Вы слишком умны, чтобы обманываться на свой счёт.

Она прикасается к стеклянной пластине, и с потолка спускается экран. На нём появляются кадры – столь же зловещие, как реальность. Тюрьма, бегущий человек. В момент падения моё сердце переворачивается, и я отвожу взгляд. Но звук, с которым железные пики вонзились в тело, заставляет меня подскочить.

– Вы очень чувствительны, мисс Хант, – вздыхает леди А. – Тем не менее на этих кадрах вы полностью соответствуете своей фамилии².

Её голос снова становится жёстким.

– Придётся привыкнуть. Пробная мишень была лёгкой. А вот *теперь* начинается ваша настоящая миссия.

Леди А. поворачивается к С., тот незаметно кивает. Экран исчезает.

– Действительно впечатляет, – повторяет она, словно обращаясь к самой себе. – Гораздо лучше, чем мы ожидали.

Она правда выглядит восхищённой. Её слова сталкиваются и смешиваются, их перекрывает навязчивый звук льющейся жидкости. Я озираюсь вокруг, как если бы леди А. и С. не существовали. И наконец понимаю, что это у меня в голове моя жертва продолжает истекать кровью на бетон. Я судорожно вытираю руки о куртку, словно они испачканы. Леди А., несомненно, права: самое сложное ещё впереди.

– И что вы со мной сделаете теперь? – бормочу я.

– Мы ничего не будем делать, – отвечает она. – Действо-

² Hunt (англ.) – охота.

вать предстоит вам. И это полностью ваша ответственность.

С. снова включает экран, и на нём появляется объёмное изображение города. Вид сверху. Я узнаю Центр, защищённый реками с востока и запада. По другую сторону каждой реки – Периферия. И непроницаемая стена тумана.

Я приближаюсь, захваченная зрелищем и в то же время стыдясь собственного любопытства.

– Нам всем очень интересно, – произносит леди А., удовлетворённо улыбаясь краешком губ.

Она пересекает комнату, заслоняя С.

– Мы больше не можем туда попасть, – говорит она ни с того ни с сего. – И не можем доверять тамошнему населению.

Тон леди А. меняется: чёткий, деловой. Она переходит к сути, сейчас я наконец узнаю, зачем меня сюда притащили. Я отказываюсь вникать в её планы, участвовать в том будущем, которое она для меня придумала. Я вспоминаю Нильса, Жанну, всю мою прошлую жизнь, которую не могу не оплакивать.

– Центр потерял контроль над Периферией, – признаёт леди А. – Точнее, над Демосом – так они предпочитают называть свою территорию.

Её откровенность удивляет меня.

– Но вы же сами создали и заселили Периферию, разве нет? Кто такие па...

Я осекаюсь. Я почти произнесла слово «парии». Я ничем не лучше других обитателей Центра.

– Это неблагонадёжные граждане, которые не сумели интегрироваться в наше общество, – отвечает С. – Они жили в крайней бедности. Мы предоставили им землю, крышу над головой, работу.

– Вы хорошо выучили свой урок, – усмехаюсь я.

Леди А. подавляет меня, а на нём я отыгрываюсь. Потом я обращаюсь к ней.

– Можно подумать, эти люди отправились туда по собственной воле... Скажите лучше, что вас раздражали бедняки, болтавшие на красивых улицах Центра. Они портили пейзаж. Они воняли. И вы содрогались от отвращения, выходя из своих шикарных квартир...

Леди А. разглядывает меня, слегка улыбаясь.

– Вы так трогательны с вашими пламенными речами и благородными чувствами. Великая бунтарка, спустившаяся из самого дорогого пентхауса в городе! Надо думать, вонь и агрессия бедных не достигали ваших высот, мисс Хант? Очень легко играть в защитника угнетённых, купаясь в роскоши.

Реплика леди А. заставляет меня покраснеть. И я стараюсь поскорей проскочить эту неудобную тему.

– Неужели вы думали, что они встретят вас с распростёртыми объятиями? – саркастически интересуюсь я.

– Мы думали, – вмешивается С., – они проявят немного благодарности. Другие страны давно закрыли границы, отказались принимать этих людей. А мы о них позаботились.

Я взрываюсь.

– Но это нормально, что государство заботится о своих гражданах, даже если те бедны! Они вовсе не обязаны говорить вам спасибо!

– Вам тоже не свойственна благодарность, – бросает леди А., шагая туда-сюда по пустой комнате. – Почаще напоминайте себе, что нет ничего постоянного. И даже наше снисхождение рано или поздно заканчивается.

Я уже начинаю привыкать к её угрозам.

– Мы дали им всё, – пылко продолжает она. – Жильё, дороги, школы. У них был шанс выбраться из нищеты, получить профессию, участвовать в развитии своей страны, стать её живой силой. Учиться, работать, служить родине! Но они были не только неблагодарны. Они предали своё отечество! Замыслили бунт против власти!

– А чего вы от них ждали? – перебиваю я. – Чтобы они послушно учились, становясь потом вашими рабочими, шофёрами и слугами? Да ещё чтобы благодарили вас за это? Вы мне напоминаете моего отца...

Леди А. останавливается, смерив меня презрительным взглядом сверху вниз.

– Там выросло новое поколение. Под опекой невнимательных, всё позволяющих и слепых родителей. Видимо, таких, как ваш отец, – сухо добавляет она. – Эта молодёжь повзрослела, набралась бредовых идей, возбудилась от них и смогла самоорганизоваться. Их самые блестящие умы со-

здали информационные системы, не подконтрольные нам. Направили науку и технику на службу собственным интересам. Сформировали повстанческие отряды в университетских лабораториях. И установили виртуальные экраны, чтобы перекрыть всякую связь с нами.

Я смотрю, как леди А. мечется по комнате, словно разъярённое дикое животное.

– В довершение всего они ворвались в администрацию Периферии и захватили власть. Да, они сильны. Но это мы, мы позволили им появиться на свет и окрепнуть. Мы оказались так же слепы, как их родители. Предатели, иуды – вот кто они все! – кричит она, стуча кулаком по столу.

Леди А. впервые вышла из себя. Она яростно жмёт кнопку пульта, и экран наводняют кадры. Улицы в огне, обугленные машины, разграбленные магазины, разрушенные дома. Массовые беспорядки. Столкновения враждующих банд. Это похоже на гражданскую войну.

Леди А. садится. Её взгляд заставляет меня похолодеть.

– Внезапность и неслыханная жестокость. Наши люди, работавшие на Периферии, чтобы помогать этим предателям, едва успели спастись бегством, бросив всё. Годами мы заботились о них. А теперь парии насмежаются над нами. Они возомнили себя независимыми, они подняли мятеж.

Наконец-то я понимаю, что творится на другом берегу реки. А ещё понимаю, почему этот эпизод нашей истории окружён молчанием.

– Вы взяли бедных людей, выгнали, как скот, из города, подальше от богатых. Поселили в гетто – между вами и соседними странами, которые отказывались их принимать. И думали, что они безропотно всё стерпят. Вы сами это сказали: катастрофа разразилась по вашей, а не по их вине. Их мир был таким же мутным, как стена тумана, которую вы воздвигли между нами. У этих людей не было ничего, кроме собственных мозгов и энергии, чтобы вырваться оттуда.

Леди А. скрещивает руки на груди.

– Мы... счастливы, да, счастливы, что вы испытываете такое сочувствие к париям. Надеюсь, они ответят вам тем же.

– Какое им до меня дело?

– Вы *присоединитесь* к ним.

– Я? К ним?

– Да, вы, заносчивая юная особа, революционерка из фешенебельного квартала, которая так благородно защищает бедных и обиженных. Вы, рассуждающая обо всём с такой обескураживающей уверенностью. Между тем вы не знаете ничего, не разбираетесь ни в чём, не интересуетесь ничем, кроме собственной весьма незначительной персоны. Вы, которая хнычет и ноет, как испорченный подросток, когда от неё требуется проявить силу духа и чувство долга.

Она подошла уже почти вплотную. Я невольно ищу защиты у С., но тот смотрит сквозь меня, словно я прозрачная.

– Да, мисс Хант, – заканчивает леди А., – именно вы, с вашими многочисленными недостатками и вашей восхити-

тельной способностью, вы отправитесь в самое сердце Периферии, станете одной из *них*.

Я содрогаюсь от того, что мне пытаются навязать. С. вновь включает экран и выводит на него удивительную картинку. Цепь гор, покрытых густым лесом, а на западе, в долине, город с башнями, дымящимися заводскими трубами, зданиями из железа. Улицы. И люди. Я приближаюсь. Они все одеты в серое или чёрное. Леди А. присоединяется ко мне, словно мы сидим в ложе и смотрим увлекательный спектакль. Лично меня это зрелище ужасает.

– Территория беззакония, – произносит она. – Анархическая и жестокая. И вы поможете нам снова взять её под контроль.

– Я? Вы сумасшедшая!

Леди А. вздрагивает и отступает в сторону, словно опасаясь агрессии с моей стороны. Я пытаюсь овладеть собой.

– Почему правительство не отправит туда армию, чтобы покончить с мятежом?

– Благодарю вас за великолепную идею! Совершенно неожиданно мы тоже подумали об этом. И даже осуществили.

Я жду продолжения, но леди А. погрузилась в созерцание Периферии. Голос С. раздаётся в полумраке:

– Результаты нас... не удовлетворили.

– Что это значит? У них нет и тысячной доли ваших возможностей! Посмотрите, как они выглядят! Кажется, им и

есть-то нечего!

– Не обманывайтесь, Мила.

– Но что вы ожидаете обнаружить в этих ветхих бараках и допотопных заводах? Атомную бомбу?

– Лучше, – загадочно роняет он. – Или хуже. Всё зависит от вас.

Леди А. пронзает его взглядом. После короткой паузы С. продолжает:

– Они не организованы так, как мы. Но в каменных джунглях Периферии это преимущество. Они никогда не атакуют в лоб, зато умеют непрерывно перестраиваться, подчиняясь неуловимым командам.

Я не понимаю, к чему он клонит.

– А ваша армия не может пользоваться теми же методами? Ваши элитные подразделения – они ведь тоже так умеют, нет?

– Разумеется, мы можем всё, – раздражённо перебивает леди А. – Зачистить всю Периферию из конца в конец, превратить её в выжженную пустыню.

Жестокими чертами лица и стремительными движениями эта женщина напоминает мне хищника.

– Но мы не будем этого делать. Мы не хотим. Мы не монстры, мисс Хант.

Она смотрит на меня с проблеском интереса.

– Я вижу, у вас проснулся вкус к радикальным методам. В такой гуманной и сострадательной девушке это, пожалуй,

даже разочаровывает.

– Я не хотела никого убивать! Никогда! Вы меня заставили! Полагаю, тут будет то же самое, раз я вам нужна...

От мысли о том, что мне предстоит совершить ещё одно преступление, к горлу подкатывает тошнота.

– Напротив, вы нам нужны, чтобы предотвратить резню.

– Из меня плохой дипломат.

– Да, мы заметили. Ваша задача будет иной. Точечная ликвидация.

Так я и знала! Но я всё равно хватаюсь за голову, совершенно раздавленная.

– Несколько ликвидаций, – уточняет С., выводя на экран трёхмерную карту Периферии.

Периферия расположена вокруг Центра наподобие короны. За рекой и стеной тумана угадываются очертания мрачных городов, рыжеватых сухих полей, редких лесов, голых скал.

– Выглядит довольно убого, – говорит С. – Однако парням удалось развить самые разные виды деятельности, которые позволяют удовлетворять основные нужды населения и жить автономно. Ещё нам известно, что власть у них децентрализована. Существует несколько шефов, видимо, каждый управляет своей сферой.

– Вы знаете этих людей?

– Нет. Пока не знаем. Когда молодое поколение захватило власть, всё, что мы учредили, было упразднено, и они реор-

ганизовали Демос на свой манер.

– Поэтому мы и отправляем вас туда, – объясняет леди А. – Вы внедритесь в самое сердце Периферии.

– Я... буду жить в Демосе?

– Да. И довольно долго. Чтобы стать там своей. Потом вы вычислите шефов. И устраните их. И нам останется только ввести войска и *мирно* взять контроль над Периферией. Идея должна вам нравиться, нет?

И устраните их.

Как просто и естественно это звучит в устах леди А.! Я больше не могу сдерживаться, меня просто разрывает, губы трясутся.

– Нет... умоляю вас... Почему? Почему вы делаете это со мной?

– Мы уже объяснили: чтобы избежать массовой резни.

Леди А. явно раздражена тем, что приходится повторять. Она стоит у меня за спиной и с силой сжимает мне плечи. Поддержать, чтобы я не упала? Да нет. Я просто кукла в её руках, которой она вертит, как ей вздумается.

– Вы ведь не хотите резни, так? Отвечайте!

Я собираюсь возразить, но перед этим воплощением жестокости у меня просто отнимается язык.

– Успокойтесь, – приказывает она.

Потом отпускает меня, вытирает руки маленьким шёлковым платком и оборачивается к С.:

– Успокойте её.

Внезапно моё «я» разлетается вдребезги. С жестокой ясностью я вижу, что меня больше нет, я в их руках – неодушевлённый предмет, орудие убийства, простое и ясное. Я кричу:

– Отпустите меня! Вы не имеете права! НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА!

С. крепко держит меня, чтобы я не могла пошевелиться, и шепчет на ухо:

– Мила, всё будет хорошо. Поверьте.

Его прикосновения и голос немного успокаивают. Я делаю несколько глубоких вдохов и наконец овладеваю собой. Выпрямившись, я сталкиваюсь с невозмутимым взглядом леди А. Мне становится стыдно, что я так унижалась.

– Нам больше нравится, когда вы ведёте себя с достоинством, – бросает она.

– Вы правы, – помолчав, отвечаю я. – Я всего лишь маленькая избалованная девчонка, которая хочет вернуться домой и никого не убивать. Странно, правда?

– Время капризов закончилось, мисс Хант.

– По-вашему, это каприз?! Отказ убивать невинных, осмелившихся вам сопротивляться? Я не могу больше видеть вас! Обоих!

Я резко освобождаюсь из рук С. Леди А. смотрит на меня, склонив голову набок.

– Чего уставилась? – с вызовом бросаю я.

Она приближается, чеканя шаг, и чётким движением от-

вешивает мне пощёчину, от которой я падаю на пол. Я с изумлением смотрю на неё, прижимая ладонь к щеке. С. хочет помочь мне подняться. Она жестом останавливает его.

– Вы – пойманная преступница. Радуйтесь, что видите нас. Ведь это значит, что вы ещё живы.

Леди А. не теряет хладнокровия. Она ударила меня с таким видом, словно именно так следовало поступить со мной с самого начала. Она долго молчит, возвышаясь надо мной, потом добавляет:

– Недавно вы спросили: «И что теперь?» Помните? Так вот теперь – *слушайтесь*.

Мы едем по Центру. С тех пор как мы покинули белую комнату, я не произнесла ни слова. Не могу даже взглянуть на С. Иначе, несмотря на их угрозы, я применю против него свою силу, причём с особой жестокостью. Я с болью всматриваюсь в небоскрёбы, освещённые улицы, вереницы машин, пытаюсь забыть, в какой кошмар превратил мою жизнь С.

Но наконец всё же сдаюсь, так как один вопрос буквально жжёт мне губы.

– Как вы узнали?

С. смотрит на меня удивлённо, он уже привык к моему молчанию.

– Узнали что, Мила?

Я резко оборачиваюсь к нему.

– Перестаньте уже совать «Милу» в каждую фразу! Как будто мы с вами приятели или вы симпатизируете мне! Это ещё невыносимее, чем всё остальное!

Он отворачивается и снова начинает смотреть на ночной город. В свете плывущих мимо фонарей я вижу его ухоженные руки, прямую спину, правильные черты лица, блеск тёмных глаз. Демон, прячущийся за идеальной внешностью.

– Хорошо, – говорит он.

– А теперь отвечайте: когда вы узнали это обо мне?

– О вашей способности к ментальной манипуляции, вы

хотите сказать?

– Называйте это как угодно. И я тоже буду называть как хочу.

– Мы знаем о вашем даре с тех пор, как вы начали сознательно им пользоваться. То есть с детского сада.

Его ответ пугает меня.

– Какая чушь! В возрасте четырёх лет...

– Вы уже тогда были изгоем и защищались доступным вам способом. Как любой ребёнок.

С. даёт мне время переварить сказанное.

– Другие убегали или дрались. А вы входили в чужой мозг и диктовали людям свои мысли. Только и всего.

– Ага, *только и всего*, – бормочу я. – По-вашему, нет ничего естественнее для девочки, которая хочет защитить себя?

– Иногда.

– Но вы так и не сказали, откуда узнали об этом.

– Из вашего дошкольного досье, – уклончиво отвечает он.

Я понимаю, что большего не добьюсь. И на этот раз смотрю С. прямо в глаза:

– А что будет дальше?

– Я свяжусь с вами насчёт следующего задания.

– Когда?

– Когда леди А. сочтёт, что вам пора приступить к исполнению обязанностей.

– Обязанностей? Но я не подписывала контракт!

– Это *джентльменское соглашение*, Мила. Мы доверяем вам. Поэтому...

Озадаченная, я жду продолжения.

– ...и вы должны доверять нам.

– Обожаю ваше чувство юмора.

Мы поворачиваем, и я узнаю фешенебельные здания своего района. Впервые в жизни радуюсь, возвращаясь домой. Ещё немного, и я буду готова даже броситься в объятия отца.

Бесшумно скользнув вдоль тротуара, машина останавливается. Выключается блокиратор двери, и я тут же ставлю ногу на асфальт, чтобы быть уверенной, что меня выпустят.

– А после этого... задания – что будет?

– Несомненно, другие задания. Это решит леди А.

А вдруг она когда-нибудь решит, что я уже бесполезна и от меня пора избавиться? словно в ответ на мою невысказанную тревогу, С. произносит:

– После вашего последнего задания вы станете героиней. А потом будете жить *спокойно* и в великолепных условиях.

– Да мне плевать на ваши великолепные условия. Я бы хотела никогда вас не встречать. И забыть как можно скорее.

– Но не прямо сейчас. Позже – пожалуйста, если хотите.

– Хочу. Очень. Правда.

– Ожидая приказа, не думайте об этом. Живите как обычно.

– Конечно. Ничего не произошло. Вас больше не существует. Вы умеете притворяться мёртвым, может, вы и сей-

час просто испаритесь, нет?

Я хочу выйти, но С. удерживает меня. Его рука крепка и при этом словно обволакивает мои пальцы. В других обстоятельствах это было бы даже приятно. Но здесь и сейчас его прикосновение кажется омерзительным.

– Разумеется, – говорит он, – вы никому не расскажете о нас и о нашей договорённости. Я уверен, вам не составит труда сохранить этот маленький секрет. Ведь вы годами скрывали ото всех свою экстраординарную способность.

– Оставьте меня.

– Я настаиваю. Вы будете спокойно жить. Ходить на уроки. Видеться с друзьями. Кстати, можете без боязни снова наведываться в «Dutch». Обещаю, там никто не вспомнит о нашей встрече. Но не покидайте Центр ни под каким предлогом. Считайте, что таков приказ леди А.

В его мире приказ леди А. – нечто не подлежащее обсуждению. Я выскакиваю из машины. Хлопаю дверцей и оборачиваюсь. С. опускает окно и доброжелательно смотрит на меня. Я выдавливаю из себя нечто вроде улыбки.

– Вы тоже наведайтесь в «Dutch». И на сей раз не разыгрывайте комедию, а умрите по-настоящему. Я бы всё отдала за это.

Я закрываю за собой дверь осторожно, стараясь не шуметь. Обычно я грохочу ею со всей силы, чтобы мой отец, который спит так чутко, подскочил с постели, проснувшись в холодном поту. Каждый раз я надеюсь, что он разозлится и с руганью выбежит из спальни в своей глупой и по-глупому дорогой пижаме. Но нет, никогда. Я бы хотела, по крайней мере, верить, что ему ужасно хочется это сделать, но он сдерживается – так же, как держит под контролем всю свою выверенную по миллиметру жизнь. Однако я понимаю, что я не настолько важная персона, чтобы ради меня отец стал выходить из себя. В общем, я никогда не хлопаю дверью. Оно само так получается. Теперь мать будет отдуваться за них обоих. Дождётся, пока я поднимусь к себе, и тут же сунет нос в мою комнату.

– Дорогая, это ты?

– Неожиданно, правда?

– Ты приятно провела вечер?

Хуже всего, что она каждый раз спрашивает очень искренне. Мать не способна злиться на меня, даже когда я этого заслуживаю. Например, когда мечтаю, как она взбунтуется против отца, который свёл всю её жизнь к роли хорошо одетой, незаметной и послушной жены. Мечтаю, как она вдруг взорвётся и плюнет ему в лицо: «Я не предмет интерьера! И

не твоя рабыня, готовая следовать за тобой повсюду с улыбкой на губах! У меня есть ум, собственные идеи и мнения. И право их выражать! Я могу спорить и не соглашаться с тобой».

Особенно я хочу, чтобы она разозлилась на отца за то, что он игнорирует меня.

Но нет. Она не делает ничего такого. Только терпит мой гнев.

– Угу, просто супер. Иди спать, мама.

И она исчезнет.

– Мама!

И она покорно вернётся.

– Извини за шум.

– Ничего страшного, дорогая, я не спала.

Вот это, несомненно, правда. Она улыбнётся и закроет дверь.

Но не этой ночью.

Сегодня я захожу в дом на цыпочках. И бесшумно пробираюсь в свою комнату. Когда я уже на пороге, до меня доносится какое-то бормотание, потом резкий вскрик. Это из комнаты Хоупа. Каждый раз, когда я произношу – даже про себя – имя моего брата, я думаю: как они могли его так назвать?³ К счастью, сам он пока этого не понимает. Он вообще очень уверен в себе. И, надо думать, уже догадался, что в глазах родителей воплощает всё, чем не являюсь я. Веж-

³ Норе (англ.) – надежда.

ливый, изворотливый, страшно высокомерный. Мы с трудом переносим друг друга. Раздаётся ещё один крик, больше похожий на стон. Я колеблюсь: придётся идти мимо спальни родителей. Потом решаюсь.

Дверь в комнату брата приоткрыта. Ему семь лет, и он боится оставаться один. Я в его возрасте об этом уже мечтала. Вхожу внутрь. Хоуп мечется в своих шёлковых простынях. Да, родители дошли и до такого: заставлять ребёнка спать на шёлке. Наклонившись, освобождаю его от перекрученного белья. Хоуп весь в поту. Вытираю ему лицо. Он открывает глаза, как зомби.

– Кто тут?

– Пух, это я. Большой злой волк, который пришёл тебя съесть.

Пух – так я его переименовала. В честь его любимого плюшевого медвежонка.

– Не на-а-а-адо-о-о...

Я изображаю волка вовсе не для того, чтобы напугать Пуха. Скорее, так, в отместку за все его вредности. В любом случае он отлично знает, что меня нечего бояться. Я никогда его не обижу, даже если он сильно постарается. Однако Пух всё равно остерегается меня. И не нападает открыто, а выжидает момент, чтобы напасть из-за угла.

Он отпихивает меня и недовольно ворчит. Даже среди ночи он ворчит.

– Тебе приснился кошмар, Пух. Ты кричал.

– Правда?

Он смотрит в окно.

– Ещё ночь?

Я киваю. Пух поворачивается ко мне.

– Я скажу папе, что ты вернулась поздно.

Ему, как и мне, отлично известно, что отцу абсолютно наплевать.

– И маме тоже. Нажалуюсь, что ты мешала мне спать. Уходи из моей комнаты!

– Маленький гадёныш, – шепчу я. – В следующий раз оставлю тебя задыхаться в твоей кровати.

Пух не отвечает. Он прижимает к себе мою руку, закрывает глаза и мгновенно засыпает. Я мягко высвобождаюсь. И укрываю его худенькие плечи шёлковой простынёй. *Я не позволю им превратить тебя в испорченное дитя Центра, я не имею права.* Я глажу его влажный лоб и быстро, почти не касаясь, целую спутанные светлые кудри.

Я иду к себе и забиваюсь в уголок. Эта комната и в нормальном-то состоянии кажется мне слишком огромной, а сейчас её размеры просто вгоняют в тоску.

Самое жуткое тут – окна от пола до потолка. Такое чувство, будто стоишь на краю пропасти и нет никого, кто мог бы тебя удержать. Я всегда представляю, как встаю на карниз и прыгаю. Ужас вгрызается в желудок, заставляя орать в пустоте. Я лечу и лечу, так никогда и не достигая земли и не испытывая облегчения смерти... Я сижу, забившись в угол,

как маленький зверёк. Нажимаю на пульт, и стёкла, автоматически затемнённые с приходом ночи, снова делаются прозрачными. Мерцание огней в соседних небоскрёбах смягчается, становясь жёлтым и оранжевым, и мой взгляд теряется в антрацитовом небе, тогда как город живёт своей жизнью, равнодушный к моей трагедии.

Откуда у меня эта ужасная власть? Почему именно я?

В детстве она казалась мне чем-то вроде доброй магии. Но потом я поняла, что это такое на самом деле.

Мне было десять лет. Я встала перед зеркалом и произнесла громким голосом: «Я могу контролировать мысли других людей, внушать им свои». Стоило мне облечь мою способность в слова, как вслед за этим пришёл и неутешительный приговор. Я – монстр. В глазах тех, кем манипулирую. И палач – в своих собственных. Ведь то, что я делала, было самым страшным из всех мучений: я диктовала мысли, подчиняя окружающих своей воле.

С тех пор я начала прятаться и таиться. Закрывалась, убежала, занавешивала зеркала, чтобы не видеть в них отражение монстра.

Мать сходила с ума от беспокойства. Таскала меня по всем специалистам в городе. И готова была ехать дальше, за границу, лишь бы кто-нибудь уверил её, что ничего страшного не происходит. Просто ребёнок тяжело переносит начавшееся созревание. Правда, несколько преждевременное. Но вместо этого все твердили ей о детской депрессии. Я знала,

что мать не остановится, будет бороться за меня до конца. У неё уже был безразличный ко всему на свете муж. Не хватало ещё и отсутствующей дочери. Я быстро поняла: чтобы меня оставили в покое, я должна выжить и измениться. Такова цена вопроса. Поначалу я попыталась убедить себя, что могу называть это не уродством, а волшебным даром. Могу всем помогать, защищая людей от их собственных поступков. Быть кем-то вроде сказочной феи. Но эта иллюзия продержалась недолго. Разочарование настигло меня. Я была такой же, как они. Когда мне делали больно, я использовала свой дар, чтобы отплатить им той же монетой. Это получалось так просто. Так безнадёжно просто. Я не была феей. Скорее уж – злой ведьмой.

И вот однажды я поняла, что должна обезопасить себя. Да, это меня следовало защищать от моего дара, а не окружающих! Я решила сопротивляться искушению и больше не пользоваться своей способностью для мести. Пускай моя жизнь будет битвой, я научусь сражаться тем же оружием, что и противники.

Я бесконечно повторяла: «Мне никто не нужен, никто не нужен», – только вот никак не могла усвоить это. На самом деле я нуждалась даже в отце, который обращал на меня не больше внимания, чем на мебель – самую уродливую, самую бесполезную мебель. И нуждалась в матери, какой угодно слабой. Так что надо было отказаться от моей способности, чтобы выживать не через доминирование.

И я направила все свои детские силы против себя самой. И отдала последнюю команду: *ты больше никогда не воспользуешься своим даром*. Никогда.

И у меня получилось.

Сегодня, глядя в окно на освещённый ночной мегаполис, полный энергии, высокомерного великолепия и агрессивности, я не понимаю, как смогла та маленькая девочка, росшая среди такой концентрации насилия, выдержать столь тяжёлый договор, заключённый с самой собой. И тем не менее я действительно больше ни разу не воспользовалась своей способностью. Сопротивлялась искушению. Даже когда меня унижали и я впадала в бешенство от того, что не делаю с обидчиками того, что могла бы. Свою злобу я потом срывала *на стороне*.

На стороне – это значит на Нильсе. Ещё больше, чем на Жанне. Да, я выливала на него свои обиды, свой гнев, ведь он был так влюблён, что мог стерпеть всё. Невозмутимый, как стена, о которую бьётся волна. Ещё и ещё раз. Он словно просил повторить. И я повторяла. Теперь, оглядываясь назад, я ненавижу себя за то, как вела себя с Нильсом. А особенно – за то, что раздражалась на его вечную влюблённость, которой при этом так беззастенчиво пользовалась.

Но хватило банального шантажа, чтобы я нарушила свой пакт. У меня такое чувство, будто я предала Нильса. Его мужество, его усилия, его сопротивление. В то же время именно им воспользовалась та женщина, чтобы сломать меня.

Ирония судьбы, приводящая в отчаянье.

Начинается утро. На поверхности реки появляются светлые блики. На другом берегу лежит затянутая блёклым туманом Периферия, словно навсегда лишённая солнечного света. Больше, чем когда-либо, мне хочется узнать, что прячется за этой ватной завесой, кто там живёт. Сбежать туда, где никто не будет меня искать.

Янтарное свечение раннего утра успокаивает, хоть я не смыкала глаз и чувствую себя совершенно измотанной. Я встаю, испытывая странное облегчение. Может, от того, что закончено наконец многолетнее сражение с собственной природой? Ведь я неизбежно подчинюсь, чтобы оградить Нильса от угроз леди А. Теперь моя очередь защищать тебя, и я принимаю эстафету. Потому что я – твой должник.

Как я хочу быть стёртой с лица земли. Прямо сейчас. Унесённой прочь порывом ветра. Слишком поздно. *Джентльменское соглашение*. Я сделаю всё, чего они хотят.

Город живёт без передышки. На рассвете улицы уже наполняются потоками прохожих. Тогда как я погружаюсь в ужасающую ночь, которая для меня только начинается.

* * *

– Посмотрите, чем мы стали, С.

Жестом она приглашает его присоединиться. Он встаёт рядом, но чуть позади и тоже любуется панорамой, открыва-

ющейся из высокого окна.

– Мы богатое государство, – с гордостью произносит леди А. – Могущественное. И в то же время мы занимаем площадь большого города. Всего лишь.

С. отрывается от созерцания пейзажа и смотрит на неё с интересом. Она говорит о стране как о своём ребёнке. И даже не как о нём – эта незамужняя женщина никогда не хотела быть матерью, – а как о собственном теле, как о себе самой. Она дышит воздухом Центра, в её венах течёт кровь цвета национального флага.

– Нам завидует весь мир, – продолжает она. – Роскошь и инфраструктура привлекли сюда многочисленные капиталы. Мы собираем налоги с самых крупных предприятий. Деньги и мозги – вот наш козырь, благодаря которому мы так продвинулись в науке, расширив возможности новых технологий и искусственного интеллекта.

Леди А. смотрит на своё отражение в оконном стекле. Глаза её блестят от возбуждения.

– Исключительно благодаря нашей продуктивности Служба разведки имеет такой вес в правительстве. А знаете, какие надежды возлагает на нас президент? Это огромная ответственность!

Интересно, она действительно думает, что он не понимает всего этого? Ведь он уже столько раз доказал свою преданность, работая в лаборатории Службы разведки. И мог бы позволить себе не отвечать на подобные риторические ти-

рады. Но он хорошо знает леди А. Она перейдёт к фактам, только когда сочтёт нужным. Ожидая этого, он должен послушно кивать.

– Да, мадам, – отвечает С.

Она отворачивается от окна и включает экран, на который выводит трёхмерную карту мира.

– Все страны, изображённые здесь, завидуют нам. Все. Где зависть – там и *угроза*. Впрочем, вы и сами прекрасно знаете.

С этими словами леди А. поворачивается к С. и смотрит на него в упор. Её взгляд похож на луч лазера, на безжалостный сканер. Но С. уже привык выдерживать этот взгляд. Цифры и графики скользят по прозрачной поверхности экрана.

– Мир не последовал нашему примеру. Другие страны предпочли остаться в индустриальной эре. И с прежней одержимостью заставляют людей потреблять больше, чтобы производить больше. Таким образом, что нужно?

– Энергия, – послушно отвечает С.

– Практически все государства столкнулись с неразрешимой проблемой. Те, у кого нет нефти, сделали ставку на гидроэлектростанции, забыв, что провоцируют глобальные изменения климата, которые скоро не позволят пользоваться этим ресурсом. Другие понадеялись на ядерную энергию и теперь тоже кусают локти, исчерпав все запасы урана.

Леди А. прокручивает на экране изображения континентов. И останавливается между Африкой и Индией, на Ближ-

нем Востоке.

– У этих ещё осталось немного нефти, – объясняет она. – И они продают её по непомерно высокой цене азиатским странам, которые ещё способны заплатить столько. Что касается Европы, то она гибнет, отравленная собственным высокомерием и ностальгией по блистательному прошлому, вынужденная слушаться азиатских хищников.

– Америка остаётся нашим союзником, – возражает С.

– Америка слишком заиклена на себе! – восклицает леди А. – Она выпустила на свободу своих демонов – и националистов, и консерваторов. И скоро повторит судьбу Европы. И потеряет тот небольшой вес, который ещё сохраняет на мировой арене.

Леди А. отступает на шаг и смотрит на карту. Её гладкий лоб пррезают тонкие морщины.

– Они знают, С. Все они, несомненно, знают, насколько мы продвинулись в наших биотехнологических исследованиях.

Она отворачивается от экрана и смотрит на С. Её высокий силуэт так чётко и строго на фоне чистого неба и города, простирающегося за окном.

– Несмотря на все наши усилия, они владеют информацией о ваших опытах, С. И понимают, каким феноменальным оружием это может стать для нас. И для них, стало быть, тоже. Ценнее всей нефти и всех денег мира. То государство, которое первым присвоит себе открытие, будет доминировать

над другими и завладеет оставшимися на планете ресурсами.

– Да, они тоже включились в гонку, – подтверждает С. – И стремятся опередить нас.

– Они слишком поздно спохватились, – возражает леди А. непререкаемым тоном. – У них нет никаких шансов. Впрочем, они и не питают иллюзий, будто смогут победить нас на научном поприще. Нет, единственный возможный вариант для них – просто попытаться завладеть нашим драгоценным оружием.

Она прикасается к экрану, и он покрывается светящимися точками.

– Вам известно, что значат эти точки?

– Нет.

– Места, откуда могут вылететь их ракеты. Направленные на нас.

С. с ужасом разглядывает зловещее созвездие. Даже с его математическими способностями эти точки не сосчитать. Леди А. продолжает:

– Научные исследования – всего лишь обманка, стена тумана, за которой скрывается их истинное намерение: совершить вооружённое нападение, чтобы завладеть вашим бесценным открытием.

Леди А. вновь погружается в созерцание города. Кажется, это зрелище для неё – нечто вроде целебного бальзама, наносимого на раны.

– Сколько вам лет?

– Тридцать пять.

С. отвечает машинально. Она знает о нём всё, от А до Я: настоящее имя, прошлое, даже, несомненно, час его рождения.

– Господи, – шепчет леди А. – Всего тридцать пять! И он – наша единственная надежда...

– Я сделаю всё для родины, – торжественно произносит С. – Так же как и вы.

– Вы более зрелый, более умный и более мотивированный, чем остальные. Поэтому мы позволили вам перескочить через обязательные этапы. Дали вам всё, о чём вы просили. Мы сделали ставку на вас, С.

Её тон внезапно меняется:

– А теперь мы ждём результатов.

– Они здесь, – отвечает С., показывая шесть красных точек на карте. – В сердце Периферии. Готовые служить нам. Враги никогда не завладеют ими.

– Иногда опасность приходит именно оттуда, где мы считаем себя наиболее защищёнными. Я не доверяю вашей Периферии столь же сильно, как вы на неё рассчитываете.

– Юная Хант выяснит это для нас. Всё получится.

– Эта девица... Вы уверены, что она лучший вариант?

– Лучший из возможных. Она же продемонстрировала, на что способна.

– Ваша *протезе*, С., очень недисциплинированная. И неуправляемая.

С. отлично понимает, что леди А. хочет полностью переложить на него ответственность за успех операции.

– Ваши угрозы укротят её.

– Надолго ли?

– Пока опасность будет нависать над теми, кого она любит.

– Мы ещё сомневаемся в том, насколько велика её сила.

– Её сила экстраординарна. Она принесёт нам гораздо больше пользы, чем всё, что мы сделали до этого. И она намного мощнее того, чем располагают наши враги. Вы поверили мне. Так продолжайте верить. Мы близки к цели.

– Результаты. Нам нужны конкретные результаты. Сейчас.

– Скоро будут.

– Когда?

– Подождём немного. Ей надо дать передышку. Пусть побудет дома, с друзьями, оправится от шока, который пережила, убив того человека, и тогда...

– Что?

– ...ваши угрозы начнут ещё сильнее давить на неё. Возможно, даже не придётся приводить их в действие...

Леди А. молчит.

– У нас есть немного времени. Ей пока не исполнилось восемнадцать.

Окна автоматически затемняются, и свет в комнате становится ярче.

– Ладно, – соглашается леди А. – Но время действовать пришло.

– Я готов к фазе номер два, – заявляет С.

Леди А. молча смотрит на континенты, которые словно висят в неживом воздухе кабинета. С. понимает, что разговор окончен, и направляется к выходу. Голос леди А. настигает его на пороге:

– Не разочаруйте нас.

– Отвали.

Гнев закипает во мне, кулаки сжимаются в карманах школьного пиджака.

Матт не двигается с места и улыбается с видом человека, уверенного, что все девчонки от него без ума. Мы стоим посреди коридора в лицее. Сейчас перемена, все вокруг куда-то бегут. И я, в общем-то, тоже спешу. Делаю шаг вперёд – Матт преграждает путь. Его дружки ржут как сумасшедшие.

– Давай же, Мила. Всего лишь маленький поцелуй. Должно же и тебе когда-нибудь повезти. Я ведь самый красивый парень в лицее. Звучит заманчиво, а?

– А ещё самый большой подонок. Так что звучит отвратительно.

– Боишься влюбиться? Не беспокойся. Ради тебя я разгону остальных поклонниц...

Вздыхнув, я подхожу к нему почти вплотную.

– У тебя пять секунд, чтобы убраться с дороги. А потом «самый красивый парень в лицее» потеряет половину своей красоты. Или больше. Потому что я стукну. Очень сильно. Туда, где очень больно. Видишь, я умею разговаривать с нахалами.

– Ты не сделаешь этого! Ведь на самом деле ты меня хочешь. Ну же, забудем угрозы...

Я поднимаю глаза к небу. Матт наклоняется... и целует Жанну, которая втёрлась между нами так быстро, что я даже не заметила. Матт, видимо, тоже. Он отступает с недовольной миной. Жанна разглядывает его, грациозно жуя жвачку.

– Фу-у, – разочаровано тянет она.

– Коротышки меня не заводят, – бросает Матт.

– Может, предпочитаешь блондинов? – рядом вырастает Нильс.

Жанна вздыхает.

– С Милой у тебя никаких шансов. А я люблю целоваться. Ладно, отвали.

Она отодвигает Матта, словно открывает дверцу шкафчика, берёт нас с Нильсом за руки и уводит прочь по коридору.

– Какой тяжёлый. Да ещё и целуется плохо, – резюмирует Жанна. – Идёмте пить кофе.

– А как же урок французского? – спрашиваю я.

– Нет настроения.

– Тогда придётся завтра отрабатывать, – с делано сердитым видом говорит Нильс.

Жанна смотрит на него с сияющей улыбкой.

– Да ладно тебе. Завтра же каникулы.

Видимо, не нам одним пришла в голову мысль прогулять уроки. Наше любимое кафе забито под завязку. В общем-то, это неважно. У меня нет желания тут зависать. И если бы не настойчивость Жанны, я бы уже давно сбежала. Прошло

три дня с тех пор, как я выполнила первое жуткое задание леди А. и С., с тех пор, как машина без номеров высадила меня возле дома. Я стала ещё более асоциальной, чем раньше. Подскакиваю, когда ко мне обращаются, и отпрыгиваю на два метра, если кладут руку на плечо. Я избегаю толпы, вообще людей. Ведь среди них в любой момент могут оказаться те двое, что придут за мной.

«Я свяжусь с вами», – сказал он.

И я жду. Агенты госбезопасности мерещатся мне повсюду. Клоны С. – правда, не такие красивые и элегантные – следят за мной и ждут сигнала леди А., чтобы схватить меня. Я так и не знаю, когда и на сколько отправлюсь на Периферию.

«Что я скажу родителям?» – спросила я их во время нашей последней стычки.

«Детали вас не касаются, – равнодушно ответила леди А. – И потом, неужели вы думаете, что отец заметит ваше отсутствие?»

Я не ответила, разглядывая изображения Демоса на экране. Удивительно, но я правда надеялась, что отец забудет обо мне, если я должна отправиться туда. Безразличие – это иногда даже хорошо. В тот момент я решила больше не спорить с леди А. Поступить так, как бунтовщики с Периферии: просто исчезнуть, выбрав удобный момент.

Ожидая его, я бы хотела рассказать моим друзьям о трагедии Демоса, о тех ужасах, что творятся всего в нескольких кварталах от нашего прекрасного Центра. Но я не могу.

– Чего ты ждёшь? – спрашивает Жанна.

Я только что выгнала трёх девиц с нашего любимого дивана. И стою, словно забыв, что хотела сесть. Нет, я не продержусь здесь долго, даже лёжа. Приходит Нильс с тремя чашками горячего шоколада. Жанна принимает и делает недовольную гримаску.

– Я за праздник и удовольствия. Но против сахара. Должны же быть какие-то границы.

– Шоколад – это уже чересчур? – улыбается Нильс.

– Точно! Тело – мой главный союзник, и я должна о нём заботиться.

Когда Жанна говорит так, она имеет в виду вовсе не погоню за стройностью. С её телосложением лишний вес ей вообще не грозит. Жанна стремится быть в идеальной физической форме, поскольку каждый день требует от неё огромного количества энергии. Жанне было всего десять лет, когда она вступила в схватку с органами опеки, и с тех пор регулярно выжигает напалмом всё, что социальные службы пытаются поставить между ней и её парализованной матерью. Жанне удалось остаться дома и заботиться о маме – одной. Иногда мы спрашиваем, как дела.

– Отлично, – отвечает Жанна с искренней улыбкой. – Вчера она пошевелила большим пальцем. И уже меньше пускает слюни.

Жанна преподносит всему миру урок мужества. И любви. Уж она-то знает о любви не понаслышке. И её байки о при-

ключениях с крутыми парнями тут совершенно ни при чём.

Она убегает к стойке, а потом возвращается с огромным куском чизкейка.

– Ты издеваешься над нами? – смеётся Нильс.

Я тоже улыбаюсь. Как же мне не хватало этой девчонки!

Моей Жанны, с её противоречиями и излишествами.

– Да, немного, – признаётся она. – Впрочем, над собой тоже. Давай, попробуй и затихни.

– Хочу вам кое-что предложить, – говорю я ни с того ни с сего.

Жанна поднимает голову от тарелки и с набитым ртом произносит:

– Мне не нравится.

– Неужели невкусно? – удивляется Нильс.

– Мне не нравятся её предложения, – отвечает Жанна, тыча вилкой в мою сторону. – Особенно когда она в тоске.

– Я не в тоске.

– Конечно, нет! – фыркает Нильс. – Просто дёргаешься от каждого звука и тебя от всех тошнит.

– Бесишь.

– Вот видишь! И ты можешь говорить что угодно, но всё началось с того вечера в «Dutch»...

– Да! Я до сих пор в шоке! – подхватывает Жанна. – Девушка, которая впервые в жизни с кем-то познакомилась. А потом – хоп! – и пропала! Какой стресс!

– Только не надо снова...

– Разумеется, надо! – в ярости вопит Жанна. – Ты ничего не рассказала! Что он тебе втирал? Что вы потом делали?

– Да ничего мы не делали. Я почувствовала себя плохо и ушла домой. Всё. Тема закрыта.

Эта история настолько не в моём духе, что они, конечно же, не поверили, когда я озвучила её на следующий день после происшествия в «Dutch». Не верят и сейчас. Да я и не умею врать. Несмотря на блестящие мастер-классы от Жанны. Но как рассказать о том, что произошло в тот вечер? Всё необъяснимо и невероятно. Я ставлю чашку на стол и пытаюсь перевести разговор.

– Так вот, моё предложение. Мы прогуляем оставшиеся уроки...

– Пока звучит неплохо, – комментирует Жанна.

– ...и уедем вместе на две недели.

Я ляпнула это не думая, движимая единственной целью: вырваться отсюда и из когтей леди А.

– Прямо сегодня? – удивляется Нильс. – Втроём?

Он поворачивается к Жанне.

– А у тебя ничего уже не запланировано? Мне кажется, ты говорила о каком-то путешествии...

– И не надейся! Тебе не удастся заполучить её в единоличное пользование на целых две недели!

Нильс огорчённо вздыхает.

– Ты когда-нибудь оставишь её в покое со своей идеальной любовью?

– Никогда, – широко улыбается Нильс.

Передёрнув плечами, я спрашиваю:

– Так вы согласны?

– Не знаю... – тянет Жанна. – А куда мы поедем?

– В загородный дом моих родителей.

Жанна корчит такую гримасу, будто я предложила провести каникулы на кладбище.

– И что там? Птички, цветочки, речки и тому подобное занудство?

– Неподалёку есть булочная, где можно попить чаю. Но не уверена, что она открыта в это время года. Жанна, ты что, совсем не можешь без тусовок? Всего-то две недели. Прогулки на свежем воздухе, где никто не отдавливает тебе ноги... Побудем вместе, втроём, разве плохо?

– Как мы туда доберёмся? – спрашивает Нильс. – Там есть вокзал?

– Хороший вопрос, – одобряет Жанна. – Всегда полезно выяснить пути отступления.

– Я возьму напрокат машину.

– Напоминаю, что у меня в прошлом месяце отобрали права, – замечает Нильс.

– Разве я когда-нибудь предлагаю, не обдумав все детали?

Я, конечно, ничего не обдумала. Но говорю вполне убедительно. Жанна разглядывает свои ногти. Она в сомнениях. Нильс, конечно, молится, чтобы она отказалась. У меня внезапно возникает ощущение, что моя жизнь зависит от их

решения.

– Ладно, поехали, – наконец вздыхает Жанна. – Только дай мне час, чтобы устроить всё с матерью. Ты же знаешь...

– ...что ты не любишь оставлять её с чужими людьми. Знаю. Но тебе тоже иногда нужна передышка.

Жанна всегда отказывается доверять свою мать заботам социальных служб, даже на день. Она терпит медсестру, приходящую помочь, часа два, не больше. Всё остальное время предпочитает справляться сама.

– Да-да, знаю. «Ты должна заниматься и собой тоже». Бла-бла-бла. Ладно, забыли. Я еду.

– Ты безжалостна, Жанна, – разочарованно вздыхает Нильс. – Но я тоже согласен. Пусть и втроём.

Я перевожу дыхание. Моё тело согревается. Подальше от Центра. А главное – от этой безумной женщины и её услужливого красавца. Две недели передышки. Хоть что-то. Мне хочется плакать и смеяться одновременно. Я чувствую себя как раб, с которого сняли цепь.

– Отправляйтесь по домам и будьте готовы к восьми вечера, – возбуждённо приказываю я.

– Никогда не понимала, почему красивый парень оставляет тебя холодной как мрамор, а каникулы в деревне приводят в такой восторг, – с сожалением произносит Жанна.

– А ты куда? – удивляется Нильс. – Ты не идёшь собираться?

– Осталось уладить одну мелочь.

С последнего этажа небоскрёба «Хант Инкорпорейтед» открывается ещё более впечатляющий вид, чем из окон нашего пентхауса. Когда смотришь на реку, текущую вдаль, на анфилады высоток на берегу, на силуэты теплоэлектростанций на горизонте, чувствуешь себя хозяином города и мира. Я развалилась на диване, вытянув ноги и водрузив ботинки на белый кожаный подлокотник. Отец дождался, пока секретарша, совершенно сбитая с толку, уплывёт в приёмную, покачиваясь на длиннющих каблуках – настоящая доблесть при ковровом покрытии толщиной в пять сантиметров, – потом поднялся из-за стола на другом конце гигантского кабинета и приблизился.

– Сколько мне будет стоить это удовольствие?

Я разглядываю его. Немного сутулый, в шикарном костюме, он говорит со мной как с важным гостем, которого не смогли выставить на улицу. Я кручу в руках бутылку колы. Дэйзи (или типа того) протянула мне её, держа кончиками ухоженных пальцев. С удовольствием проливаю несколько капель на незапятнанный ковёр.

– Извиняюсь. – Носком ботинка я растираю коричневую жидкость, чтобы быть уверенной, что цвет впитается.

– Лучше скажи, зачем пришла, – говорит отец, слегка раздражаясь. – Я не привык видеть тебя здесь...

– Дома тоже.

Он машинально улыбается и устраивается в кресле напро-

тив, положив ногу на ногу.

– Ты не на уроках?

– Сейчас уже каникулы. Знаешь, несколько тоскливых недель, которые люди обычно проводят вместе с детьми.

– Конечно. Каникулы.

Излюбленный приём: повторить последние слова собеседника, словно они отскочили от него, как от стенки, не произведя никакого эффекта. Я знаю, этому человеку неведомо чувство вины, но не могу удержаться, чтобы ещё раз не попытаться. Я продолжаю надеяться. Если перестану, будет слишком больно.

– Хочешь поехать куда-нибудь? – догадывается он.

– Да.

– Не проблема. Обсуди это с матерью, я смогу, возможно...

Я невольно выпрямляюсь, не веря своим ушам.

– ...к нам присоединиться?

– Нет-нет. Забронировать самолёт. Это будет зависеть от того, куда вы решите отправиться.

Я улыбаюсь, закипая от ярости на себя саму и на свои иллюзии. Лучше улыбаться, чем запулить ему в лицо бутылку.

– Я хочу поехать с двумя приятелями.

– С кем?

– Ты их не знаешь. Мои лучшие друзья. Всего лишь с садика.

– Куда вы хотите поехать? – Он невозмутимо уходит от

удара.

– В замок.

– *Наши* замок?

Такое впечатление, что кто-то незнакомый попросил у него миллион долларов. Я резко встаю.

– Ладно, забудь. Подыщу что-нибудь другое.

– Подожди.

Я уже на пороге, уже открыла дверь. Я оборачиваюсь, едва не врезавшись в секретаршу, которая умирает от желания всё увидеть и услышать.

– Ты возьмёшь с собой своего брата?

– Моего семилетнего брата? Ты шутишь или как?

– Он будет рад. У меня сейчас нет времени им заниматься.

И, похоже, ему... не хватает внимания.

Что на такое ответить?

– Я знаю, что ты хороший отец и заботишься о благополучии своего сына, но нет, я его не возьму.

Он уже сидит за столом, уткнувшись в какую-то папку.

– Лиззи предупредит Уиллоу, чтобы они подготовили для вас дом.

Я оборачиваюсь к секретарше, которая делает вид, будто что-то сортирует. Точно, Лиззи. Не Дэйзи. Впрочем, оба имени подходят ей так же хорошо, как и любые другие.

– Как вы планируете добираться? – спрашивает отец.

– Я думала взять мамину машину.

– Джеймс отвезёт вас.

Я хочу возразить, но отец поднимает руку.

– Не будем торговаться.

Я выпускаю пар.

– Ладно.

– Потом он вернётся в город, – уточняет отец, читая какой-то документ.

– Но без машины мы будем привязаны к дому.

– Вы едете отдыхать, разве нет?

Ладно, раздобуду какую-нибудь тачку на месте.

– Мы уезжаем сегодня вечером.

– Джеймс мне нужен. Сегодня мы с твоей матерью приглашены в гости.

– Пусть тогда отвезёт нас на вокзал?

Взгляд отца пронзает меня насквозь. Я перешла границы дозволенного – того, что он способен принять. И исчерпала годовой запас внимания, которое он способен мне уделить. Я уступаю, притворяясь послушной.

– Как хочешь. Мы можем поехать завтра.

Воцаряется гнетущая тишина. Я не знаю, что делать, и топая ногой. Отец воспринимает это так, будто я настаиваю на своём. И вопреки ожиданиям – уступает.

– Я отправлю Джеймса домой к семи вечера. А теперь...

Я не хочу, чтобы он закончил разговор фразой, предназначенной скучному сотруднику, которого наконец увольняют.

– Да, я пойду. У меня тоже дела.

И, лишь выйдя в коридор, неслышно бормочу:
– Спасибо.

Мы уже час в пути и до сих пор не выехали из Центра. Такое впечатление, что все жители решили срочно покинуть город. Жанна разлеглась на заднем сиденье, положив голову Нильсу на колени. Она дремлет с улыбкой на губах. Я редко вижу её такой. Может, она позволяет себе это, только когда остаётся одна? Наконец движение на дороге становится чуть более оживлённым. Я наклоняюсь к Джеймсу:

– Можете немного прибавить скорость?

Машина летит вперёд. Я вжимаюсь в кожаное сиденье, нервничая, как шпион, которого разглядывает пограничник в момент возвращения на родину после задания. Моё волнение заразно. Нильс надевает наушники и на полную громкость врубает мётал. Он ненавидит такую музыку. Никогда не понимала: зачем так себя мучить?

«Это заставляет побыстрее успокоиться, – объяснил Нильс однажды. – Я не выключаю, пока не прихожу в себя».

Жанна возвращается из своего мира. Погружение длилось слишком долго. Или оказалось слишком болезненным. Не удивлюсь, если её сны часто превращаются в кошмары. Нильс, наверное, тоже почувствовал, что Жанне не по себе. Он гладит её по голове, точно маленькую напуганную девочку. Жанна выворачивается из его рук и начинает всё осматривать и трогать в салоне. Наконец лицо её озаряется. Она

нашла грааль – минибар лимузина. Жанна взглядом спрашивает у меня разрешения, готовая приложиться к первой попавшейся бутылке, пусть даже с антифризом. Я мотаю головой, указывая на Джеймса.

– Нас укачает.

Она разочарованно захлопывает мини-бар. Я легонько пихаю её в бок.

– Ладно тебе, у нас ведь каникулы, оторвёмся.

– Рассказывай! Мы ещё не приехали в эту жуткую деревню, а ты уже запрещаешь мне залить тоску.

Нильс неожиданно выпрямляется, бросая наушники на сиденье. И с улыбкой от уха до уха начинает глазеть в окно. Мы едем на север и сейчас движемся между двумя каналами, которые чуть южнее превратятся в две реки, омывающие Центр. Это Северный перешеек – длинная дамба, пересекающая Периферию и позволяющая выезжать за пределы Центра. Трасса, охраняемая государством, представляет собой прямую асфальтовую дорогу, проложенную по сухой почве, на которой ничего не растёт. По обеим сторонам из каналов поднимаются высоченные стены тумана, сквозь который совершенно невозможно разглядеть Периферию. Наверху они соединяются, так что мы едем словно по белому ватному тоннелю. Нильс переглядывается с Жанной и нажимает на кнопку, открывая крышу. Эти двое вскакивают на сиденье и высовываются из машины. Раскинув руки, подставив лица ветру, они вопят:

– Мы короли мира!!!

Жанна заливисто хохочет, но, когда она поворачивает голову в мою сторону, я вижу, что её глаза полны слёз. Возможно, она пользуется случаем, чтобы выплеснуть накопившиеся за год тяжёлые эмоции. Нильс протягивает мне руку.

– Давай, присоединяйся!

В зеркале заднего вида я ловлю недовольный взгляд Джеймса. Он слегка сбавляет скорость. Я хватаюсь за руку Нильса и втискиваюсь между ним и Жанной. От встречного ветра мы с трудом можем дышать, но мы поём и кричим. Нам так легко, как не было уже давно. Я забываю обо всём. Вдруг в стене тумана появляется дыра, и я на мгновение вижу мрачные здания с чёрными крышами и чахлую растительность на бетонных улицах. В следующую секунду прореха затягивается, и зловещая картинка исчезает как мираж. От неё не остаётся ничего, кроме чудовищной тяжести, разрывающей грудь. Я не хочу увидеть это снова. И ещё меньше хочу жить там, выслеживая своих жертв. Мои друзья ничего не заметили. Я вдруг начинаю задыхаться – наверное, от ветра, бьющего в лицо, – и спускаюсь обратно в салон. Жанна ухватилась за край люка, закрыла глаза и наслаждается моментом. Нильс присоединяется ко мне.

– Что случилось?

– Слишком сильно дует.

Он берёт меня за руку и проводит пальцем по ладони.

– Линия лжи. Супердлинная.

– Это линия жизни.

– Значит, ты будешь жить долго. Если только не дурачишь меня. Скажи, что не так?

Я пугаюсь, что сейчас он заставит меня во всём признать-ся.

– Нильс, не начинай. Мы едем отдыхать, а не забивать себе голову.

Но он всегда был упрям.

– Я объясню, почему не верю тебе. Начиная с того незабываемого вечера в «Dutch». Во-первых, потому что ты никогда не оправдываешься, как это делала на следующий день. Во-вторых, потому что с тех пор ты чертовски напряжена. Ну и, наконец, потому что...

Нильс нерешительно смотрит в окно.

– Не уверен, что тебе понравится третья причина.

Ты не веришь, потому что любишь. И благодаря этой любви читаешь меня, как открытую книгу, и никогда не ошибаешься.

– Ты прав, не понравится.

Нильс смотрит на меня своим сияющим взглядом. Но я остаюсь железной.

– Мне плевать на шикарную тачку твоего отца. И ещё больше – на его замок. Ты ведь знаешь. У меня ничего подобного никогда не было. И я никогда не чувствовал потребности в этом. Я бы предпочёл провести месяц на помойке, лишь бы ты сказала мне правду, чтобы я смог помочь. Даже

если от одной мысли об этом тебя тошнит.

Нильс прав. Я больше не могу врать и притворяться. Но правда слишком опасна. Особенно для него, находящегося под прицелом леди А.

– Ладно, дела действительно не очень. Но я не могу говорить об этом. Ты будешь изводить меня все две недели?

– Ответь мне на один-единственный вопрос: это страшно? Я колеблюсь.

– Не страшно. Тревожно.

– Ты боишься или нет?

– Ты сказал «один вопрос».

– Да, но теперь я беспокоюсь ещё больше, так что квота вопросов удваивается автоматически.

Если я не отвечу, Нильс отстанет сегодня, но вернётся к этому завтра. И ещё тысячу раз. Лучше успокоить его.

– Нет, я не то чтобы боюсь, но озабочена. А теперь – стоп.

Жанна спускается в салон и закрывает крышу. Потом смотрит на наши лица.

– Круто, я пропустила серьёзный разговор.

Она поворачивается к Нильсу.

– Дашь мне отчёт в конце каникул. Ты же всё равно не сможешь выкинуть это из головы, так? Ну а теперь, – она уютно устраивается между нами, – спать.

Джеймс занимается нашим багажом. Жанна и Нильс с восхищением разглядывают огромный белый коттедж, сто-

ящий в лесу. Главное здание, два крыла и навес, закрывающий весь двор. Дом расположен на полянке, и деревья окружают его со всех сторон, словно нежно-зелёный кокон. Или как удушающая ловушка. На выбор.

Я подхожу к чете Уиллоу, которые занимаются здесь хозяйством. Супруги глазают на нас как на ярмарочных животных. Они не видели меня много лет, я отказывалась приезжать сюда. Начиная примерно с рождения брата. Я вдруг вспоминаю свой последний визит. Пуха в люльке, слова отца, которые он произнёс, поднимаясь по лестнице. Я отгоняю воспоминания грубым и непонятным жестом. Миссис Уиллоу, блёклая и тощая, как палка, неуверенно отступает назад. Её муж-медведь скрещивает руки на груди. Рукава у него закатаны, так что видны предплечья, густо поросшие рыжей шерстью. Наш приезд ему явно не по душе. Я не хочу пожимать ему руку, он тоже. Что касается его жены-палки, то я просто опасаясь её сломать. Жанна и Нильс, смущённые, смотрят на меня. Я наконец выдавливаю из себя:

– Спасибо, что подготовили дом.

– Это наша работа, – отвечает медведь Уиллоу столь же дружелюбно.

Я огибаю его, будто дерево, и захожу внутрь.

Так странно... Можно избегать какого-то места годами, но стоит вернуться туда, как узнаёшь всё, вплоть до запаха. И когда память чувств пробуждена, просыпается и всё остальное: образы, лица, движения. И эмоции.

Натёртый воском паркет сияет, как и семь лет назад. Диваны стоят на тех же местах, диванные подушки как новые, пледы на подлокотниках, свежие цветы в вазах. Высокие окна выходят на тот же роскошный сад, который мягко спускается к озеру и причалу. Лодка тоже тут, привязанная к мосткам, носом, как всегда, повёрнутая к другому берегу. Всё здесь отлично справляется с течением времени. Без моего присутствия и предподростковых нервных срывов.

Я оставляю Нильса и Жанну исследовать первый этаж, с его анфиладами залов и псевдодеревенской роскошью, а сама поднимаюсь наверх.

Прохожу мимо спальни родителей, заглядываю в комнату Пуха. Здесь тоже всё по-прежнему. И один в один похож на его комнату в наших городских апартаментах. Наверное, он дважды топнул ножкой – и родители полностью повторили всю обстановку. Я выхожу, и сердце начинает громко стучать. Я понимаю, *что* ко мне возвращается. Но я могу справиться с этими эмоциями, потому и решилась подвергнуть себя такой муке. Итак, я заглядываю в остальные комнаты. Кабинет, отцовская библиотека, бельевая, мастерская, где мать пыталась заниматься живописью. Перед последней дверью останавливаюсь. Без иллюзий. Это комната для гостей. Я всё обошла. Здесь нет другой детской. Как будто не было и другого ребёнка.

Словно чтобы сильнее себя помучить, я возвращаюсь в логово брата. И соскальзываю на пол по стене. Почему? Ну

правда, *почему?* Что я им сделала? Почему меня как будто не было в моей собственной семье? В чём я провинилась? С самого начала, ещё до того, как взбунтовалась и предоставила окружающим массу законных причин для ненависти. За что они всегда меня отвергали? Я поднимаюсь. Удивительно. Я задавала себе этот вопрос с тех пор, как смогла его сформулировать, но никогда не испытывала особой горечи. Наверное, научилась подпитываться из других источников, не отказываясь ни от чего. Поэтому, например, упрямство Нильса мне даже приятно. Замечаю на футболке два мокрых пятна от слёз. Я вытираю глаза, глубоко вздыхаю и иду обратно.

В гостиной Жанна рухнула на диван, далеко отшвырнув ботинки.

– Прошу прощения у всех деревень в мире за то, что так плохо о них думала, – заявляет она. – Если они все похожи на эту, то я хочу стать фермером, когда вырасту. Объясни, почему мы раньше сюда не приезжали?

– Потому что я сама тут в первый раз за семь лет.

Нильс подходит ко мне. Мои покрасневшие глаза не укрылись от его внимания. Разумеется.

– И это... трудно?

– Немного.

– Хочешь, уедем?

– О нет! – вскидывается Жанна. – Неужели вы показали мне жизнь в раю, чтобы через десять минут увезти обратно в город? Лучше расскажи, в чём дело. А мы будем верить,

что все были уродами, кроме тебя. Да, Нильс?

– Точно, – кивает он. – *Все*, кроме тебя.

Ему даже удаётся улыбнуться. Я опрокидываю Нильса на диван, и мы оба падаем на Жанну, которая начинает брыкаться. Мы катаемся друг по другу, сваливаемся на пол, орём, снова карабкаемся на диван. Нам по десять лет или по пять, не знаю сколько. Мы едва замечаем, как Джеймс прощается с нами. Уиллоу уже давно не показываются и не предлагают своих услуг. Наконец мы успокаиваемся и садимся более-менее правильно. Нильс устраивается между нами. Он обнимает нас за плечи и крепко прижимает к себе. Я наслаждаюсь давно забытым чувством безопасности. Мы любимся видом, открывающимся из окон. Нильс кладёт ноги на низкий столик:

– Хороших каникул, девчонки.

После двух дней деревенской идиллии мы находим устраивающий всех троих ритм этого буколического сосуществования. Каждый живёт своей жизнью, и тем не менее мы много времени проводим вместе. Совершаем долгие прогулки в лесу. Или берём лодку. Мы с Жанной всегда протягиваем вёсла нашему верному рыцарю, чтобы он мог продемонстрировать свою внушительную мускулатуру во всей красе.

– Тебе просто безумно идёт грести! – уверяет Жанна.

– Полюбовались, теперь ваша очередь.

Я отказываюсь:

– Скажи себе, что я могла бы влюбиться в такого выносливого гребца.

Нильс поднимает на меня сияющий взгляд, и я тут же жалею о своей идиотской шутке. Как ужасно играть людьми, особенно их чувствами. Желая загладить вину, я тянусь за вёслами. Но Нильс крепко вцепляется в них.

– Слишком поздно, ты это уже произнесла. Позволь мне помечтать, – и он принимается грести с удвоенной силой.

Сегодня я не пошла с ними на озеро. Я жду чету Уиллоу, чтобы принять у них покупки, которые они делают для нас по указанию матери.

«Твой папа велел мне следить, чтобы вы ни в чём не нуждались, дорогая, он заботится о тебе, ты знаешь?»

Кроме того, сегодня я хочу побыть одна, так как во мне опять закипает тревога, от которой я отдыхала в последние дни. Я была такой расслабленной, почти беззаботной, постоянно смеялась. Но теперь что-то снова сжимает мне горло, и сердце слишком быстро стучит. Я не верю в дурные предчувствия, но, когда друзья заглядывают, чтобы попрощаться перед прогулкой, не могу скрыть своего состояния. Нильс делает вид, что щупает мне пульс.

– М-м-м... Скажем так: уровень стресса четыре по десятибалльной шкале. После двух дней каникул это очень плохой результат. Чёрт, ты не можешь просто выкинуть всё из головы? Мы отрезаны от мира, ничто ужасное до тебя не доберётся!

– И ничто интересное тоже, – вворачивает Жанна.

– Так что успокойся, бэйби, – настойчиво повторяет Нильс.

Жанна тут же переходит в наступление.

– Я вам скажу, что было бы действительно круто. Уболтать папашу Уиллоу, выпросить у него тачку и попытаться найти в округе хоть какие-то признаки цивилизации. Прямо сегодня вечером. Даже автомату с колой на заправке я буду безумно рада!

Мне хочется успокоить друзей. Постараться не портить им каникулы.

– Ок, я нормально. И вообще всё в норме. И сегодня вечером мы устроим праздник.

Они уходят, мило переругиваясь, а я погружаюсь в чтение. Это какой-то исторический роман, наугад взятый с книжной полки. Я их вытаскиваю оттуда штуки по три в день. Начинаю один, перескакиваю на другой, читаю одновременно. Мой отец, любящий, чтобы всё в жизни шло в алфавитном порядке, был бы в ужасе. А я получаю удовольствие, делая то, что в этом доме всегда мне строжайше запрещали.

Какой-то звук отрывает меня от чтения. Шум мотора. Я подхожу к окну, ожидая увидеть допотопную колымагу медведя Уиллоу. Но во дворе ничего нет. Заинтригованная, я жду ещё несколько секунд, потом возвращаюсь в библиотеку. Я случайно задеваю плечом стеллаж, и оттуда падает книга.

Она не успевает коснуться пола. Рука в перчатке ловит её на лету.

Я холодею. Мне зажимают рот, чтоб я не закричала, потом – заламывают руку за спину. Я падаю на колени. Нападающий шипит:

– Ни слова. Ни звука.

Я дрожу от страха и бешенства. Боль пронзает локоть и запястье. Едва нахожу в себе силы кивнуть. Он постепенно ослабляет хватку. И я наконец вижу, кто это. Он с ног до головы затянут в чёрную кожу. Но я, разумеется, его узнаю, несмотря на мотоциклетный шлем.

– Я вам доверял. А вы покинули город, хотя это запрещено. На что вы надеялись? Что мы вас не найдём?

С. больше не выжимает из себя прежнее отвратительное сочувствие. Он говорит холодно, сухо. Я не контролирую своё тело и медленно оседаю на пол. Потом встаю, держась за шкаф. При этом я не спускаю глаз с С.

– Я... я просто хотела...

Я не заканчиваю фразу. Как ему объяснить? Уехать далеко, исчезнуть, надеяться, что меня забудут. Я почти смеюсь над своей наивностью. Он здесь. И он не отпустит меня. А уж леди А. – тем более. Мне хочется убежать в лес, навсегда раствориться в дикой природе, которая нас окружает.

– Вы меня предали, – произносит С.

Он надвигается, я отступаю. Опрокидываю стул, потом тумбочку, бросаюсь к окну. Он ловит меня, роняет на пол. Я кричу, зову Нильса и Жанну, которые не могут услышать. С. холоден как лёд. Его лицо напряжено и сурово. И тем не менее мне впервые становится страшно, что сейчас он не совладеет с собой. Но его голос неожиданно смягчается.

– Обувайтесь. Мы уезжаем.

– Нет, умоляю вас, дайте мне немного времени, совсем чуть-чуть... Я больше не буду, я не убегу...

– Мы уезжаем, – повторяет С., безучастный как статуя.

Я лихорадочно ищу какую-нибудь лазейку.

– Но я тут не одна. Мои друзья забеспокоятся, позвонят в полицию, родителям... У вас будут неприятности. Возможно, соседи видели, как вы подъезжали к дому. Давайте я лучше вернусь через пару дней, с друзьями. Обещаю, что пойду

с вами, когда вы меня позовёте, я останусь у себя дома, поверьте, на этот раз я не...

С. протягивает ко мне руку, и я вижу у него на ладони маленький пульт размером со спичечный коробок. Он подносит палец к кнопке. Мой голос осекается. Я отказываюсь понимать. Потом медленно поворачиваюсь, следуя за его взглядом. И... Такое чувство, будто из меня разом вылилась вся кровь.

– Нет, нет, С., умоляю! Хорошо, уедем *прямо сейчас*, но оставьте их.

Он нажимает на кнопку.

– НЕЕЕЕЕЕТ!!!!

Грохот разрывает тишину озера. В небо выстреливает столп воды, огня и дыма. Крик замирает у меня в горле, сведённом рыданиями. Я падаю. С. без церемоний рывком ставит меня на ноги.

– Теперь вас никто не ждёт. И вы никого не ждёте.

Я бросаюсь на него и колочу изо всех сил. Я хочу убить его своими руками. Но С. сильнее. Он грубо отталкивает меня. Тогда я забываю все свои обещания. Пристально смотрю на него, сходя с ума от ярости, боли и жажды мести. Он будет моей следующей жертвой. Я концентрируюсь.

– *Отойдите от меня.*

– Не делайте этого, – шепчет он, но всё-таки слышится. – Иначе с вами всё кончено.

Я смеюсь над его угрозой.

– Приблизьтесь к камину.

– Она... она не ограничится только вами, – бормочет С.,
подходя всё ближе к огню.

Его щёки и лоб становятся пурпурными. Он закрывает глаза.

– Нет, откройте их, С.

Он слушается. Глаза его слезятся. Лицо всё красное.

– Протяните руку.

Он пытается сопротивляться. Тщетно. Его пальцы соприкасаются с пламенем. От боли он падает на пол, но всё ещё находит силы говорить.

– Она может сделать намного... намного больше...

Его манжет дымится, загорается. Я люблю зловещей демонстрацией собственной силы, испытывая одновременно удовольствие и страх. Я знаю, что С. говорит правду. Угрожающий голос леди А. звенит у меня в ушах. Я закрываю глаза и ослабляю хватку, которой держала сознание С. Он, задыхаясь, откатывается от камина. Его лицо побагровело, рука покрыта волдырями. Должно быть, он делает сверхчеловеческое усилие, чтобы не показать, как ему больно. Но он понимает, что победил. В полном отчаянии я соскальзываю спиной по стене. С. ждёт, пока я немного успокоюсь. Потом, сжав зубы, натягивает перчатки и подталкивает меня к выходу.

Он даёт мне шлем, ветровку и заводит мотор.

– Садитесь.

Я механически сажусь сзади него.

– Держитесь за меня.

Но я уже не слышу. Не вижу домов, деревьев, озера, не чувствую ветра. Окружающий мир словно распадается на молекулы. Остаётся только боль. Безымянная, поглощающая целиком. Нильс и Жанна погибли у меня на глазах. По моей вине. Потому что я малодушно втянула их в своё бегство.

Голова кружится. В последний момент успеваю поднять лицевой щиток шлема, и меня рвёт прямо на газон. С. протягивает мне платок, я кое-как вытираюсь, глядя в пустоту. Он заводит руку за спину и прижимает меня к себе.

– Готовы?

Я не отвечаю. Мотор ревёт. Прежде чем бросить мотоцикл вперёд, С. поворачивается ко мне.

– Больше никогда не вынуждайте меня причинять вам боль, Мила.

12

Белый ковёр, в котором тонут ступни. Стены, обшитые панелями из светлого дерева. Большой письменный стол, два кресла, компьютер. И окна от пола до потолка, притягивающие меня, словно лампа бабочку. Я невольно подхожу к ним ближе. Отсюда отчётливо видна Периферия. Впервые с тех пор, как мы приехали, С. подаёт голос:

– Эти окна аннулируют действие туманной завесы.

– Почему там всё такое серое? – спрашиваю я. – И пустынное?

– Оптическая иллюзия. Нечто вроде виртуального фильтра для тех, кто смотрит из Центра. Чтобы мы не могли наблюдать за ними. Их ответ на наш туман.

– Достойный ответ.

– Когда вы окажетесь среди них, – произносит женский голос у нас за спиной, – совершенно одна, поскольку у нас не будет возможности следить за вами или даже хотя бы определить ваше местоположение, то вы, возможно, станете с меньшей симпатией относиться к их действиям.

Леди А. делает несколько бесшумных шагов, полупрозрачная в молочной вселенной этого кабинета, и заглядывает в мои глаза. Меня словно пронзает ледяной ток.

– Цените доверие, которое мы вам оказываем, – произносит она. – Мы могли бы опять поместить вас в ту пустую ано-

нимную комнату. Но мы привели вас сюда, в святая святых. Таким образом мы даём вам понять, что отныне вы принадлежите к нашей семье, мисс Хант. Несмотря на вашу... выходку.

Я думаю, из чего состоит жизнь этой женщины, если она говорит «святая святых» про свой рабочий кабинет. После паузы леди А. продолжает:

– Все члены нашей большой и прекрасной семьи здесь всегда желанные гости. И это не пустые слова.

Я не понимаю, к чему она клонит. Вдруг её голос становится хриплым и страшным.

– И наши угрозы тоже не пустые слова. Вы это уже поняли. Увы, за вашу ошибку заплатили ваши друзья.

В тысячный раз за день я вспоминаю о Нильсе и Жанне. Их лица, голоса и смех переполняют меня. И тут на прозрачном экране посреди кабинета появляется трёхмерное изображение. Я не сразу узнаю тело. Точнее, то, что от него осталось. Но потом крупным планом показывают искажённое мукой лицо. И у меня вырывается крик. Нильс. Окровавленный. Изуродованный. Пустота разверзается во мне. Без дна. Я сгибаюсь пополам, будто краб пожирает мои внутренности. Нильс стонет. Кажется, от этого звука моя голова сейчас взорвётся.

– Если это вас утешит, – добавляет леди А., – то ваша подруга больше не страдает. Она погибла при взрыве. А парень оказался покрепче. И вы ещё можете его спасти.

– Вы чудовище. Вы оба – монстры, – шепчу я, поворачиваясь к С.

Я не могу сдержать слёз. Моя Жанна погибла. И Нильс. Нильс.

– Ей было всего семнадцать, она не сделала ничего плохого. И он тем более.

– Зато вы сделали, – холодно отвечает леди А. – Мы вас предупредили, вы не поверили. И дорого заплатили за вашу гордость и эгоизм.

Она вздыхает, качая головой.

– Мисс Хант, мисс Хант... Не разочаровывайте нас дальше. Потому что цена может стать непомерной.

И на экране возникают другие лица. Сначала – моего отца. Я смотрю на него будто на незнакомого человека. Примерно так же, как он на меня. Угрозы леди А. по отношению к нему оставляют меня совершенно равнодушной. Когда я осознаю это, я испытываю странное чувство: страх, смешанный со стыдом. Потом появляется лицо моей матери. На меня накатывает паника.

И дальше медленно начинает вырисовываться ещё одно изображение. Оно постепенно проступает сквозь графический туман. Я узнаю каждую чёрточку, каждый вихор, линию губ, овал лица. Наконец мельчайшие детали дополняют портрет. Родинка на лбу, шрам на подбородке, удивлённо поднятые брови. Я знаю всё это наизусть. Но я больше не плачу. Леди А. склоняет голову набок, словно любясь про-

изведением искусства.

– Как вы его называете? С., напомните, пожалуйста, какое прозвище дала мисс Хант этому мальчугану?

С. отвечает несколько хрипло, не глядя на меня:

– Пух.

– Точно, Пух. Так мило. Вы его очень любите, верно? Естественно, ведь он ваш брат. Пусть и занимающий слишком много места. Вы правы, на самом деле только семья имеет значение.

На этот раз я не хочу ни плакать, ни падать. Я даю волю своему гневу.

– Если хоть волос упадёт с его головы, я...

– Что – вы?

Леди А. встаёт передо мной, скрестив руки. Она подавляет меня своим превосходством. И мои слова превращаются в неразборчивое бормотание.

– Не надо, – резко говорит она. – Не стоит бахвалиться. А уж тем более угрожать. Мы не полные идиоты. И мы, разумеется, приняли меры предосторожности. Есть люди, которые знают о вас всё. И едва вы решите взяться за нас, у школы вашего брата остановится машина. И с ним будет конечно быстрее, чем я это произношу. Если бы я захотела, чтобы его расчленили у вас на глазах, вот на этом самом экране, а потом швырнули куски диким зверям, то вы ничем не смогли бы мне помешать. Абсолютно ничем.

Я знаю, что всё так. И вдруг сквозь боль во мне поднима-

ется холодный гнев, который странным образом успокаивает. Я даю себе обещание, что в один прекрасный день, чуть менее чёрный, чем те, что впереди, я найду способ ей отомстить. Леди А. одаривает меня чуть заметной улыбкой.

– Не хотелось бы создавать вокруг вас пустоту.

Помолчав мгновение, она добавляет с ледяной жестокостью:

– Надо заметить, пустота и так уже практически абсолютна.

Новый удар в живот – и в сердце. Эта женщина всегда будет оставлять последнее слово за собой. С. берёт меня за руку.

– Её ждут, мадам.

Леди А. по-прежнему смотрит на меня.

– Можете увести.

Мы с С. заходим в лифт.

– Куда мы едем?

– Выдать вам снаряжение.

– Какое? Оружие?

– В том числе.

Двери открываются, и мы попадаем в огромный зал. Ярко светит операционная лампа, вдоль стен тянутся белые шкафы. Единственное пятно цвета – зелёная простыня, покрывающая стол, над которым висят три электрические капельницы с мигающими экранами. Чуть поодаль неподвижно стоят люди в белых халатах.

Я поворачиваюсь к С.:

– Что это?

В следующую секунду чьи-то руки хватают и поднимают меня. Не успев опомниться, я оказываюсь лежащей на операционном столе, и два типа в белом молча пристёгивают к нему мои запястья и лодыжки.

– С.! Что вы будете делать со мной?! ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ДЕЛАТЬ?!

Я бьюсь как бешеная. Тщетно. Единственное, что мне удаётся, – это ещё сильнее затянуть железные тросы на руках.

– Не бойтесь, – говорит один из людей в халатах. – Вы практически ничего не почувствуете.

Он фиксирует мне голову чем-то вроде ледяного металлического шлема.

– Если будете дёргаться, нам придётся применить общий наркоз.

Я пытаюсь сдержать сотрясающие меня волны ужаса. Ищу глазами С., но он скрывается где-то за спинами.

– С.! С.! Что они будут делать? Не позволяйте им...

Мои крики теряются в огромном зале, совершенно не тревожа палачей. Один из них берёт шприц и подносит к моему уху. Не выношу уколы. Знают ли они об этом? Они знают всё. Я вою:

– НEEEEEEЕТ...

– Я вставлю вам в правый слуховой проход микроприёмник. Под слизистую, возле барабанной перепонки. Раньше вживляли в мочку, но тут слишком просто обнаружить. С помощью этого устройства вы будете отлично слышать нас. А ещё оно будет записывать всё, что происходит вокруг. Таким образом, вам не придётся что-то запоминать... или что-то скрывать.

Резкая, быстрая боль выстреливает из глубины уха куда-то в череп. Следующая боль прожигает губу. И третья, не настолько сильная, впивается в предплечье. Металлические зажимы, державшие меня, автоматически открываются. Я скачиваюсь со стола и забиваюсь в дальний угол, вся в поту, перепуганная насмерть. Сжимаю руками измученную голову.

С. снисходит до объяснений:

– Парии установили над Периферией электромагнитное поле, которое глушит любые сигналы. Устройство, которое вживили вам в губу, перекодирует ваш голос в звуковые волны, способные проходить сквозь это поле.

– Мы услышим вас, даже если вы будете шептать, – уточняет человек в халате.

Я провожу языком по губе. Капля крови уже запеклась. Под ней чувствуется какое-то уплотнение. Закатываю рукав и с ужасом обнаруживаю на предплечье свежую татуировку – небольшой тёмный квадрат. Предвосхищая мой вопрос, С. объясняет:

– Это знак, который носят все обитатели Периферии. Он подтвердит, что вы – своя. Для нанесения татуировки они используют особые чернила, состав которых держат в секрете.

– Держали, – поправляет один из халатов, явно довольный собой.

Я, как загипнотизированная, разглядываю синеватую татуировку.

– Вы поставили на мне клеймо, точно на скотине, – шепчу я. – Вы обращаетесь со мной как с животным.

– Напротив, Мила. Я делаю всё, чтобы обеспечить вашу безопасность.

– Я марионетка в ваших руках. С самого начала.

– И это тоже для вашего блага.

– О, пёсик затыврал, как его хозяйка.

С. морщится. Я наслаждаюсь маленькой мексикой. Люди в халатах расступаются, дверь автоматически открывается, и я выхожу, следуя за своим учителем.

Мы попадаем в ещё одну белую комнату, только поменьше. Молодая женщина сидит за столом, рассматривая в микроскоп какой-то крошечный предмет. Она приветствует нас, не поднимая глаз.

– Новобранец?

– Особенный новобранец.

Женщина отрывается от микроскопа и оглядывает меня с ног до головы без всякого выражения.

– Итак, это вы. Не знаю, насколько могу быть вам полезной, учитывая ваши... таланты. Но я попытаюсь.

Она поворачивается к С.

– Какие пожелания?

– Что-нибудь лёгкое и неприметное.

Он говорит так, будто покупает мне платье. Поймав мой взгляд, С. произносит:

– Это Л., специалист по оружию в третьем поколении.

– Теперь вы хотите, чтобы я пользовалась оружием?

– Ваша способность, возможно, превосходит по мощности всё оружие, которое мы можем вам предложить. Однако вы ещё не умеете управлять ею. К тому же, разумеется, будут ситуации, когда вам потребуется защищаться, не демонстрируя вашего дара.

Л. некоторое время изучает меня, потом направляет пульт на лакированную стену и нажимает кнопку. Из стены выезжает нечто вроде огромного выдвижного ящика. Л. достаёт оттуда странную перламутровую палку и протягивает мне.

– Держите за рукоятку.

Я разглядываю предмет. Он идеально ровный, без каких-либо опознавательных знаков.

– Более тёмная часть, – уточняет Л.

Немного поколебавшись, я повинуюсь. От прикосновения материя словно размягчается и принимает форму моей ладони. Раздаётся тонкий звуковой сигнал, и вдоль палки загорается красная линия.

– Готово. Теперь она принадлежит вам. И будет слушаться только вас, – говорит Л. – Пока я её не перепрограммирую.

Оружие так удобно лежит в ладони, словно является продолжением руки.

– И как с ним обращаться? – спрашиваю я, заинтригованная.

– Вы умеете управлять людьми с помощью мысли, не так ли? То же самое и с этим оружием. Дайте ему приказ. Например, выстрелить.

– А где пули?

– Интенсивное фотонное излучение, – произносит Л. и, поймав мой недоумённый взгляд, поясняет: – Когда луч проникает в тело, внутри жертвы происходит небольшой взрыв.

– И мне достаточно просто подумать? Просто захотеть вы-

стрелить?

– Точно. Оружие считывает с пальцев бессознательный нервный импульс.

– Это заметно уменьшает время реакции по сравнению с обычным оружием, – уточняет С.

– Правда? – говорю я, направляя палку на него. – Очень хочется попробовать.

С. не двигается с места. Он думает, я не способна выстрелить? Возможно, он прав. И я могла бы ненавидеть себя за это. Но Л. предоставляет мне уважительную причину не убивать его.

– Это невозможно, – объясняет она. – В лаборатории действует поле, обезвреживающее любое оружие. Вы можете им пользоваться только снаружи. И желательно – пользоваться мудро. В любом случае здесь не место для сведения счётов. Можете убить его, когда выйдете.

Л. улыбается. Из всех людей, встреченных мной в Службе разведки, она первая, кто позволяет себе хоть капельку юмора. С. смотрит на неё мрачно. Л., кажется, насмехается над ним.

– Здесь я у себя, – говорит она мне. – И все вынуждены считаться с моими правилами. Все. С какого бы этажа они ни явились, – повторяет она с олимпийским спокойствием, глядя в чёрный глазок камеры наблюдения под потолком.

– Вы хотите сказать, что все должны считаться с вашим отсутствием правил, – возражает С.

Непонятно, возмущается он или забавляется. Такие замороженные типы совсем не обязательно ненавидят людей вроде Л. Хотя и завидуют их свободе.

– Ошибаетесь, – отвечает Л. – У меня свои собственные правила. И они мне подходят. До свиданья, мисс Хант. И удачи. Она вам понадобится.

С. уводит меня из лаборатории, и стеклянные двери закрываются за нами. Я тщетно пытаюсь скинуть его руку с запястья. Он тащит меня по длинному коридору. Так быстро, что мне приходится почти бежать. В конце коридора я замечаю чёрную дверь. Моё напряжение растёт. Мне нужны объяснения.

– И что теперь?

С. улыбается, не замедляя шага.

– Это ваш любимый вопрос?

Он наконец отпускает меня и подходит к двери. Слепящий луч упирается ему в лоб. На экране появляется сложная формула, потом трёхмерное изображение молекулы. Устройство распознало его ДНК. Дверь открывается. С. смотрит мне в глаза.

– А теперь вы отправляетесь на *задание*.

Во внутреннем дворике их четверо. Они выстроились в ряд возле джипа с тонированными стёклами и военного фургона. Трое мужчин и одна женщина. Все – в камуфляже и берцах. На лицах – одинаковая решимость. Они приветствуют меня наклоном головы, вытянув руки по швам. Я поднимаю глаза. Кажется, стены здания касаются неба, словно говоря, что мой единственный выбор – отправиться в неизвестность с этими солдатами либо остаться внутри бетонного куба, который станет мне гробом. С. делает жест, чтобы я приблизилась.

– Вот мисс Хант. Вы её сопровождаете. Вам известно, что и как делать.

Солдаты сурово кивают. Один из них совсем молод, года на два-три старше меня. Его щека слегка подрагивает, такое впечатление, будто он кипит внутри. Но мой взгляд оставляет его совершенно безучастным. С. осматривает всех по очереди.

– Ни на шаг не отступайте от инструкции. Родина гордится вами.

Все четверо вытягиваются ещё сильнее и отдают честь.

– Можете отправлять фургон, – приказывает С.

Шофёр заводит мотор. Железные ворота, спрятанные в стене, поднимаются, чтобы выпустить автомобиль в город-

ское движение.

– Приманка, – объясняет С. – Он поедет в том же направлении, что и вы. Потом свернёт в сектор два, чтобы отвлечь их внимание. А вы отправитесь на обычной машине.

Солдаты садятся во внедорожник, словно надутый гелием. С. отводит меня в сторону. Его глаза блестят, как в горячке.

– Мила, эти солдаты поедут с вами, чтобы облегчить вам задачу. Они точно знают, что должны делать. Ни в коем случае не вмешивайтесь.

Моя тревога непрерывно растёт, мне уже сводит желудок.

– Почему вы это говорите? И почему вы обращались к ним словно к камикадзе?

– *Никогда* не вмешивайтесь, – повторяет он. – И сосредоточьтесь на вашем задании.

– Что меня ждёт?

– Вы же знаете. Солдаты сопровождают вас до Периферии. Дальше вы внедряетесь, вычисляете шефов...

– И убиваю их, так? – говорю я бесцветным голосом.

Солдаты сидят внутри, мотор уже включен. Они ждут только меня. Я совсем теряю голову и кричу на весь двор:

– Я никогда в жизни не прикасалась к оружию! Вы не можете взять и отправить меня убивать людей! Я не один из ваших солдат!

– У вас внутри есть самое экстраординарное, самое феноменальное оружие на свете. И Л. дала вам другое, тоже мощ-

ное, на случай необходимости. Незачем терять время, обучая вас военному ремеслу.

– Но как я справлюсь? Вы же ничего не рассказали ни о парях, ни об их шефах, ни о том, как к ним приблизиться... Вы не дали никакого ключа!

– Я не хочу, чтобы вы знали слишком много. Иначе вы можете случайно проговориться. И подвергнуть себя опасности.

– Я в опасности с самого рождения из-за моей проклятой способности. Вы думаете, я хоть кому-нибудь о ней проговорила? Я чемпион мира по конспирации!

– У них шпионы в Центре. Они бы попытались уничтожить вас. Но по пути Ж. сообщит вам дополнительные сведения. – С. указывает на солдата, сидящего за рулём.

Я мотаю головой, совершенно обезумев.

– Нет, это вы должны мне всё рассказать! Чего вы боитесь?

Мои слова отскакивают от него. Он смотрит снисходительно.

– Думаю, это вы боитесь, Мила. И это нормально. Всё будет хорошо.

Я закрываю глаза.

– Да, конечно. Всё будет хорошо.

– Запомните одну вещь. Если вам надо будет подтвердить вашу принадлежность к Периферии, скажите: «*Никогда как они*».

– Это что? Пароль?

– Мы не уверены, – признаётся С. – Но это одно из немногочисленных сведений, которые удалось вытянуть из пленных.

Я залезаю в машину и сажусь на место, которое указывает женщина-солдат. С. заглядывает внутрь.

– Когда будете там, соблюдайте главное правило: как можно меньше говорить. Это лучший способ избежать разоблачения.

– А если мне будут задавать вопросы?

– Не увлекайтесь выдумками и враньём. Разыгрывайте замкнутую, скрытную девушку. Впрочем, вы такая и есть.

Он отступает назад. Женщина собирается закрыть дверь. Но я её удерживаю.

– С.!

Я хватаю его за руку. Он не отшатывается. Я шепчу, но достаточно громко, чтобы он меня услышал.

– Вы знаете, о чём говорите, когда советуете разыгрывать комедию и лгать. Вы настоящий профи в этом деле. Но я не верю больше ни единому вашему слову. Ничему. Так что не делайте вид, будто заботитесь обо мне.

И тут совершенно неожиданно С. гладит меня по щеке. Такое впечатление, будто этот жест вырвался у него случайно. Я застываю. Моя рука по-прежнему сжимает его предплечье. С. выпрямляется.

– Я... мы не хотим потерять вас. Мы *не можем* вас поте-

рять.

Солдаты сидят безучастные, вперив невидящие взгляды в пустоту. Я заползаю в глубь салона. Дверь захлопывается. Я не смотрю в окно, пока мы выезжаем за ворота. Моя щека горит.

II. Западня

15

Вот уже полчаса мы ползём в пробке. Несколько раз я пытаюсь завести разговор, но мои вопросы падают в пустоту. Видимо, это Ж. будет решать, когда придёт время меня проинструктировать. Наконец я умолкаю и начинаю просто смотреть в окно. В этот момент мы как раз проезжаем мимо предприятий моего отца. Догадывается ли он, что его дочь вот-вот исчезнет в ядовитом тумане Периферии? Что они скажут родителям, чтобы объяснить моё отсутствие? Удивительно, но я по-прежнему надеюсь, что отец будет беспокоиться. Искать меня. А потом найдёт и вернёт домой. Удручающая наивность. Я продолжаю глазеть в окно.

Мы едем по незнакомой мне части города. Я вдруг понимаю, насколько в своём шикарном доме, возвышающемся над Центральным парком, я была отделена и защищена от остальной вселенной, переполненной и суетливой. Я взирала на лежащий внизу мир свысока, иногда жалуясь на столь неудобное соседство, но чаще всего – просто презирая. Речь даже не о Периферии, а о менее престижных районах Центра, по которым мы сейчас едем. Ж. удалось вырвать нас из толчеи делового квартала с его небоскрёбами из стекла и

бетона. Я думаю о матери. Интересно, отваживалась ли когда-нибудь она, боящаяся всего на свете, выйти за пределы улиц, окружающих наш дом?

Мы катим по прямой трассе. Неожиданно – в полном одиночестве. Мною вновь овладевает тоска. Обрушиваются воспоминания о Жанне и Нильсе. Чувство вины впивается в горло. «Увы, за вашу ошибку заплатили ваши друзья». Слова леди А. не выходят из головы. Я никогда от этого не оправлюсь. Часть меня погибла там, на озере, вместе с Жанной. Остаётся лишь слабая надежда, что Нильс выживет. Я сжимаю кулаки.

Держись, Нильс. Ради тебя, ради твоих близких и немного ради меня, даже если я не имею права просить об этом. Прости меня и борись за жизнь.

Больше никому не придётся расплачиваться за мои победы или проступки. Я обещаю. Они добились своего – я буду послушной. В гневе я изо всех сил бью себя кулаком по ноге. Солдаты оглядываются. Я успокаиваюсь. Не терпится узнать что-нибудь о том, куда мы едем.

– Ещё далеко?

Ж. переглядывается со своим соседом и уступает.

– Нет. Скоро мы пересечём реку. На северо-востоке.

Я делаю глубокий вдох. Мы почти на месте. Сейчас начнётся. Я больше не боюсь. Только хочу поскорее покончить со всем этим. И с собой. Если можно. Но в памяти всплывает лицо Пуха. И не даёт мне сломаться.

Ж. смотрит на часы и, кажется, словно компьютер, высчитывает расстояние, температуру, не знаю, что ещё, оценивая, можно ли наконец сообщить мне дополнительные сведения о Периферии. Я делаю ещё одну попытку.

– Чего ждать на той стороне?

– У нас мало информации.

Его манера уходить от вопросов пугает столь же сильно, как и раздражает.

– С. приказал вам проинструктировать меня.

– Центр обустроил Периферию сорок лет назад. Там разместили часть граждан, у которых не было средств жить в Центре...

Я перебиваю:

– Бедняки, рабочие – все те, кого не хотели видеть в Центре, но в ком нуждались, чтобы выполнять кое-какую грязную работёнку.

Ж. продолжает, никак не реагируя на мои слова:

– Потом родилось новое поколение. Ровесники ваших родителей. Только на Периферии. – Он смотрит на меня в зеркало заднего вида. – Двадцать лет спустя они выросли, организовались. И тайком развили в себе удивительные технические способности. А потом выступили против нас. Очень быстро. Настоящая операция «Коммандос»⁴. Центр был застигнут врасплох.

⁴ Коммандос – американский спецназ, операция «Коммандос» – наступление сил ООН во время Корейской войны 1951 года.

– Леди А. показывала мне фотографии гражданской войны.

– На самом деле столкновений произошло очень мало. На мой взгляд, это больше походило на диверсию. Они поняли, что быстрее и эффективнее вести войну в киберпространстве, с помощью средств коммуникации. Некоторые, конечно, сражались на улицах, но настоящая борьба происходила перед экранами компьютеров. И они победили.

– Но это совершенно не объясняет, что меня там ждёт.

– У нас мало сведений. По вполне понятной причине. Захватив власть, они тут же включили систему информационной защиты. И с тех пор не перестают её совершенствовать. Двадцать лет между Центром и Периферией идёт соревнование по шифровке и дешифровке. Мы знаем, что им удалось построить самодостаточное общество. Развить сельское хозяйство, тяжёлую промышленность и прежде всего передовые информационные технологии.

– А их шефы?

– Мы не знаем, какова там структура власти. Но предполагаем, что власть разделена между несколькими людьми.

– Как они защищаются?

– Без сомнения, у них есть служба безопасности. И, возможно, армия. Потому что они отражают атаки и захватывают в плен наших людей. Но и здесь нам неизвестно, как всё организовано.

– Блин, да вы ничего не знаете, – разочарованно произно-

шу я.

С. опять посмеялся надо мной.

– Думаю, они рассчитывают на вас, чтобы получить чуть больше информации, – признаёт Ж. после короткой паузы.

Остальные смотрят на него, удивлённые дерзостью и нелестным замечанием в адрес начальства. Я внезапно испытываю симпатию к Ж.

– Не пересказывайте ничего леди А., – говорю я солдатам.

– В любом случае мы больше ничем не рискуем, – бормочет Ж.

На этот раз его слышу только я.

– Почему вы так напряжены? Вы едете туда в первый раз?

– Нет. Не в первый, – отвечает он и, помолчав, добавляет: – Именно поэтому мы и напряжены, как вы выражаетесь.

– Почему?

– Потому что из тех, кто отправляется туда, почти никто не возвращается, – впервые подаёт голос женщина, неотрывно глядящая на приближающуюся стену тумана.

Кажется, свобода, которую позволил себе Ж., постепенно развяжет язык и его товарищам.

– А я кто такая? Откуда взялась? Они раскусят меня за минуту.

– Вы пария. Из сельских районов, – отвечает Ж.

– Вы сейчас ляпнули первое, что пришло в голову?

– Нет, это придумали леди А. и доктор С.

Я вспоминаю о татуировке и инстинктивно подношу руку

к предплечью.

– Почему?

– По имеющейся у нас информации, эта территория менее организована, чем городские зоны. Вероятно, там не проводилась перепись населения. Им будет труднее проверить, жили вы там или нет.

– Вы никогда не пытались захватить в плен кого-нибудь из жителей Периферии?

На этот раз отвечает самый молодой солдат:

– Захватывали, конечно. Только их невозможно заставить говорить.

По голосу слышно, что он сильно нервничает. Он вообще выказывает намного больше страха, чем другие. Ж., кажется, просто отрешился от того, что нас ждёт, словно старый мудрец. А этот – нет. Но что нас ждёт, действительно?

– Что известно о городских зонах?

– Мы вычислили одну. Сильно превышающую по размерам все остальные. Возможно, это столица, – отвечает Ж. – Там, без сомнения, сконцентрирована вся инфраструктура, обеспечивающая существование Периферии. Вероятно, их шефы тоже там. В любом случае это наиболее структурированный и организованный район из всех.

– И, стало быть, самый опасный. Предполагаю, мы направляемся именно туда?

Если риск так велик, зачем леди А. и С. бросили меня сюда? Ведь они говорят, что возлагают на меня большие на-

дежды?

– Будет большой удачей, если нам удастся просто проникнуть на Периферию. Неважно куда.

Ж. снова сосредотачивается на дороге. Остальные смотрят в сторону. Разговор окончен, офис закрыт, приходите завтра.

Я пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь снаружи. Туман такой густой, что его можно резать ножом. Но в глубине смутно проступают очертания моста. Машина снижает скорость и съезжает на обочину, остановившись прямо перед въездом на мост. Из клубов тумана появляется контрольно-пропускной пункт.

Солдаты заставляют меня выйти из джипа и ведут к зданию. Внутри я обнаруживаю пять стульев и несколько стопок одежды. Мне указывают на одну. Я повинуюсь. Вскоре все мы уже переодеты в гражданское. Моя новая одежда не особо отличается от той, что я ношу обычно. Единственное – она вся серая, как униформа. На этот раз Ж. неожиданно даёт некоторые пояснения.

– Вас троих, – говорит он, кивая на женщину, молодого солдата и меня, – мы выдадим за пленных *парий*. Мы захватили вас в Демосе и везём в Центр, чтобы допросить.

Двое солдат стоят вытянувшись по стойке смирно, вперив взгляды в пустоту. Я менее послушна.

– И какова цель этой комбинации?

– Чтобы парии вмешались и освободили вас. А главное –

забрали к себе. Вы будете чем-то вроде Троянского коня.

Я бросаю взгляд на двух своих коллег. Кажется, они не особо слушают Ж. Потом смотрю на наш внедорожник.

– А почему вы не поехали в военном фургоне, если хотите, чтобы вас приняли за солдат Центра?

– Это выглядело бы неправдоподобно. Только безумец будет соваться на Периферию на официальной машине. Они бы унюхали западню раньше, чем мы бы доехали до того конца моста.

– А как они нас увидят?

Ж. не отвечает и не даёт мне времени задать другой вопрос. Мы запрыгиваем в джип и устремляемся в бледную тьму.

Мне кажется, что подъём на мост длится бесконечно долго. Водитель заметно сбавил скорость, поскольку дорогу видно максимум на метр вперёд. Туман такой густой, что создаётся впечатление, будто он проникает сквозь обшивку автомобиля, сквозь нашу одежду, сквозь кожу. Я задыхаюсь, мне хочется открыть окно. Молодой солдат останавливает меня.

– Стёкла пуленепробиваемые.

Интересно, он хочет защитить весь отряд или заботится только о своей жизни? Мне вдруг становится жалко их всех, но это быстро проходит. Мне предстоит пройти через гораздо более тяжёлые испытания. И я этого не просила. А они – военные, то есть сами сделали такой выбор.

Мы достигаем вершины моста. Джип на секунду словно зависает над рекой – естественной границей между Центром и Периферией, – затем начинает спускаться. Молодой солдат нервно теребит ремень брюк. Женщина, закусив губу, сжимает кулаки. Она выглядит страшно сосредоточенной. Моё сердце начинает учащённо биться. Я пытаюсь разглядеть что-нибудь сквозь завесу, возведённую усилиями Центра.

И тут мы наконец выезжаем из неё. Я изумлённо смотрю на серую массу одинаковых бетонных зданий, простирающихся насколько хватает глаз. Солдаты тоже захвачены и, возможно, тоже напуганы этим зрелищем. По крайней мере, хочется так думать. Только Ж. опять кажется спокойным, даже отрешённым.

Мы продолжаем спускаться с моста, прямо в этот ровный бетонный океан, лежащий перед нами, как ковёр. Вдруг стрелки на приборной панели джипа словно сходят с ума. Ж., вцепившись в руль, приказывает:

– Пристегнитесь!

Внедорожник пересекает какую-то светящуюся вертикальную плоскость и становится неуправляемым. Нас швыряет из стороны в сторону. Я больно стучаюсь головой, наши тела сотрясаются на заднем сиденье. Несколько бесконечных секунд – и всё успокаивается. Ж. удалось не съехать с дороги. Я провожу рукой по лбу. На пальцах – кровь. Но я не обращаю внимания – настолько ошеломительное зрелище от-

крывается перед моими глазами.

Декорации радикально изменились. Современные дома всех форм и размеров высятся вдоль многочисленных улиц. Дороги сплетаются в сложные узоры. Но самое удивительное – разнообразие цвета, буквально затопляющее глаза.

И, наконец, повсюду на улицах – люди.

Это волшебное зрелище совершенно не похоже на то, что мы видели всего секунду назад. А ещё меньше – на те кадры, что леди А. и С. показывали мне на своём экране. Я пытаюсь поймать взгляд Ж. в зеркале заднего вида.

– Мы пересекли виртуальный монитор, который транслирует изображение непосредственно на сетчатку глаза, – объясняет он. – Эта штука позволяет превращать реальный пейзаж в то, что мы видим с моста или из Центра, – в серую пустыню.

– Вы знали, что скрывается за экраном?

– Нет, – признаётся Ж. – Я знаю об этом месте только то, что нам показывают в Центре: планы Периферии, которую мы построили сорок лет назад. Прямые улицы, одинаковые здания, стандартные торговые центры. За несколько лет они преобразили свой Демос.

Свой Демос. Слова Ж. поневоле свидетельствуют о том, что Центр потерял эту территорию. После восстания парии полностью контролируют Периферию и переделывают тут всё как им угодно. Кто же глава этого государства в государстве? Кто принимает решения? Я дрожу от мысли, что долж-

на буду в одиночку встретиться с такой мощью. Вычислить шефов и... уничтожить их. Я наклоняюсь вперёд, чтобы лучше разглядеть Демос сквозь лобовое стекло. Выезд с моста плавно перетекает в город.

– Здесь есть таможня, КПП, что-нибудь в этом духе?

– Мы не в лучших дипломатических отношениях – Периферия и Центр, – с иронией замечает Ж. – Но, думаю, у них есть другие способы контролировать, кто пересекает мост. Как и у нас, впрочем.

– Каков ваш план?

– Заедем в эту мышеловку и сделаем так, чтобы нас заметили.

Ж. резко тормозит. На выезде с моста дорогу перекрывает бетонная плита. Придётся объезжать. Ж. ругается сквозь зубы. И следует указателям. Я чувствую, как напряжение растёт.

– Вы уверены, что туда? – нервно спрашиваю я.

– Нет времени останавливаться и думать.

– Они... они нас уже засекли?

– Скоро узнаем.

Вокруг выезда с моста пусто. Издалека доносится шум оживлённого уличного движения. Ж. сворачивает направо, и мы попадаем на узкую улочку. Кровь стучит у меня в висках. Краем глаза замечаю какое-то быстрое движение. Я хочу предупредить Ж., но не успеваю открыть рот, как он сам поворачивает голову. Доля секунды – и начинается.

Чёрные штрихи, тени на крыше ближайшего здания. Потом – на соседней. Всё происходит так быстро, что я не уверена, видела ли их на самом деле. Подъёмная решётка взлетает из мостовой прямо перед носом нашего джипа. Фонари гаснут. И мы погружаемся в чернильную тьму. Ж. скрежещет зубами.

– Чёрт. Уже...

Он жмёт на тормоз, шины истошно визжат по асфальту. Запах жжёной резины проникает в салон. Ж. оборачивается к двум солдатам, которые должны меня сопровождать:

– Защищайте её.

Женщина опрокидывает меня на пол, а молодой солдат прикрывает собственным телом. Падая, успеваю бросить взгляд в заднее окно. Метрах в двадцати от машины стоит кучка людей. Как ни странно, не вооружённых. Джип резко разворачивается и врезается в толпу. Люди отпрыгивают в стороны, как искры на ветру. Через долю секунды пуленепробиваемые стёкла автомобиля разлетаются вдребезги. Я чувствую стеклянный дождь на спине и затылке, несмотря на мой живой щит. Приподняв голову, вижу, что лицо молодого солдата покрыто кровью и крошечными кристаллами. Но ни слова, ни звука не срывается с его губ.

– Пригнитесь! – кричит мне Ж., пытаюсь рассмотреть что-

то сквозь дым, поднимающийся сразу из нескольких точек.

Я не слышу выстрелов. Удивительно, но по нам не стреляют. Металлический грохот заставляет Ж. резко затормозить. Позади машины подняли ещё одну железную решётку. Нас хотят взять живыми. Я опять поднимаю голову. Мы на перекрёстке.

– Бегите! Все трое! – приказывает Ж., указывая на улицу, перпендикулярную нашей.

Я таращусь на него, как в столбняке.

– ВЫПОЛНЯЙТЕ!!!!!!!

Новый вираж, визг колёс. Ж. бросает машину поперёк тротуара. Разблокирует двери, и я буквально вылетаю вон, вытолкнутая молодым солдатом. Они с женщиной подхватывают меня с обеих сторон и бросаются бежать очертя голову. Я смотрю назад. Внедорожник заслоняет нас от врагов, прикрывая наше бегство. Женщина, задыхаясь, сжимает мою руку:

– Быстрее! Не оглядывайтесь!

Мои мышцы горят, голова вот-вот взорвётся, но я не останавливаюсь. Молодой солдат переглядывается с женщиной и резко отталкивает меня, отбегая к домам.

– Оторвитесь от нас!

Они снижают скорость, увеличивая расстояние между нами. Я тоже замедляю бег.

– Бегите! Они будут стрелять!

– Мы должны попасть им в руки! – кричит женщина.

Они уже совсем остановились. Не веря себе, я нахожу глазами джип. И моя кровь леденеет. Ж. стоит одним коленом на земле и сжимает оружие. Он берёт нас на прицел. Двое солдат смотрят на меня, тяжело дыша.

– Он выполняет приказ, – просто говорит молодой солдат.

Я перевожу взгляд с них на Ж., и до меня наконец доходит этот чудовищный план.

– Нет... Нет!

Закричав, бросаюсь к ним. На этот раз я заслоняю их собой. Слышно, как Ж. ругается. Женщина пытается оттолкнуть меня.

– Если он не застрелит нас, парии никогда не поверят вам, что мы были в плену у солдат Центра, – произносит она жутким механическим голосом.

Самоубийство, организованное для того, чтобы я хорошо выполнила свою миссию на Периферии. Я не могу этого вынести.

– Он может просто промахнуться!

– Боец элитного подразделения, который не попал в жертву с расстояния в сотню метров? Доктор С. приказал вам...

– Мне плевать на его приказы! – отчаянно ору я. – Я не позволю вам погибнуть ради меня!

– Не ради вас. Ради родины.

– Вы такая же безумная фанатичка, как ваша начальница!

Нет, я...

Я не замечаю, как прилетает оплеуха. Покачнувшись, под-

ношу ладонь к горячей щеке. И ошеломлённо застываю перед женщиной. Молодой солдат, неотрывно глядя на меня, начинает пятиться. Раздаётся сухой щелчок. Парень подскакивает. Алое пятно расплзается по его рубашке. Он спотыкается и бесшумно падает, не сводя с меня расширенных глаз. Я кричу. И тоже падаю – на колени рядом с телом. Женщина пользуется этим, чтобы отбежать в сторону. Слепнув от гнева и слёз, я встаю и бросаюсь к ней. Ж. опускает оружие. Если он заденет меня, план леди А. пойдёт насмарку. Ж. никогда не решится на подобный риск. Женщина грубо отталкивает меня. Я опрокидываюсь назад, стучаюсь головой об асфальт, в глазах темнеет. Словно сквозь туман вижу женщину, которая делает вид, что убегает. Раздаётся второй выстрел.

Я зажмуриваюсь. Я хочу, чтобы всё исчезло.

Я открываю глаза. Она лежит неподалёку в луже крови.

Я перекатываюсь на живот, сотрясаясь от рыданий; адская боль сверлит мой череп. Последним усилием приподнимаюсь на локте. Вдалеке Ж. встаёт на ноги. Он отбросил оружие и застыл в странной позе: одна рука вытянута вперёд, другая назад. Рядом с ним четвёртый солдат воеет, корчась на асфальте от боли.

И я погружаюсь в мрачную бурлящую бездну.

Открыв глаза, я вижу ослепительный прямоугольник. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что это люк в крыше ангара, а в нём – молочно-белое небо.

Слова доносятся словно издалека.

– Кто ты? Откуда?

Говорят грубо и быстро. Я с трудом поворачиваю голову и вижу несколько незнакомых лиц. В них есть нечто общее. Все они очень юны. Рядом со мной стоит невысокий, бритый налысо тип, старше меня года на два.

– Я... я...

Слова застревают в горле. Не думала, что всё произойдёт так быстро. Чувствую себя просто отвратительно. Будто меня накачали наркотиками. Пытаюсь привстать. Высокая девушка с тёмными волосами пинает меня в плечо своим тяжёлым ботинком.

– Тебе не разрешали шевелиться.

В лице я, конечно, никогда не была особо популярной. Но одно точно: с тех пор как я выросла, никто не осмеливался бить меня, даже просто толкать. Я всегда очень естественно устанавливала эту границу. Кровь бросается мне в голову. И я, приподнявшись, впиваюсь зубами в запястье девушки. Я сильнее её. Она морщится от боли и замахивается.

– Остынь, – приказывает ей парень и оттаскивает девушку

от меня.

Потом протягивает мне руку. Я колеблюсь.

– Боишься?

Я сажусь.

– Чего я должна бояться? Я ведь дома.

Брюнетка оглядывает меня с головы до ног.

– И где же он, твой дом?

– На востоке, в деревне. Это всё равно Демос. Или нет?

Я кусаю губу. *Не говори слишком много. И главное – не оправдывайся. Никогда.* Я глубоко вздыхаю, пытаюсь ослабить затянутый внутри узел напряжения, и берусь за протянутую руку. Едва поднявшись, я хочу отойти в сторону, но бритоголовый не отпускает. Свободной рукой он грубо задирает мне рукав и начинает изучать мою татуировку. Я сжимаюсь от тоски. Парень достаёт полупрозрачную пластину и подносит к синему квадратику. На татуировке проступает, переливаясь, длинный код. Только тогда он меня отпускает.

– Тебе повезло. Ты не соврала, – бросает он.

Я опираюсь спиной о стену. Парень внимательно изучает меня, пронизывая взглядом насквозь. Я опускаю глаза.

– Что ты делала здесь, с солдатами Центра?

– Они захватили меня в плен.

– Машина приехала из Центра. Мы засекали вас на выезде с моста, – перебивает девушка, в голосе её слышится сомнение.

Не паниковать, мыслить логически. Я сосредотачиваюсь

на моём задании. И на своей единственной цели: спасти близких, брата. *Пух, ты портишь мне жизнь даже на расстоянии.* Внезапно я испытываю сильное желание прижать его к себе. Слова С. крутятся в голове как привязчивая песенка. *«Старайтесь не выдумывать и не врать. Говорите как можно меньше».* Я произношу:

– Мы ехали отсюда. Но на мосту почему-то развернулись. По-моему, они не смогли проехать через стену тумана. Не знаю почему.

Они переглядываются. Потом бритоголовый говорит:

– Отвезём её.

– Куда? – спрашивает второй тип.

– В центр интеграции. Пусть там допросят.

Вдруг я вижу в полумраке силуэт гораздо ниже остальных. Это девочка лет двенадцати-тринадцати. Что она делает здесь, с ними? Хрупкая, но держится очень прямо. Каштановые волосы забраны в высокий хвост. И вид такой степенный и уверенный. Но меня не проведёшь. Я слишком хорошо знакома с детскими травмами и замечаю несомненные признаки беспокойства: она нетерпеливо переминается с ноги на ногу и покусывает щёку. Брюнетка поворачивается к девочке.

– Вера, последи за ней. Это часть твоей практики.

– Идёмте, – говорит бритоголовый.

В этот момент какое-то шипение ввинчивается мне прямо в мозг:

– ...выяснить местоположение...

Я подпрыгиваю. Никто вокруг не реагирует. Я вспоминаю о микроприёмнике, вживлённом в мой слуховой проход. Мы ещё недалеко от моста, сигнал прорывается. Мне кажется, я узнаю голос С., повторяющий:

– ...где находится... центр интеграции... завтра...

Несмотря на помехи, я, похоже, понимаю. С. уже взял меня в оборот. Услышал нас и хочет, чтобы я заставила их говорить. Сейчас удобный случай. Его нельзя упустить.

– Я останусь в городе.

Девушка оборачивается.

– Ты не можешь решать одна. Забыла? Странно для того, кто живёт в Демосе.

В небе раздаётся грохот. Все поднимают головы.

– Мы слишком близко от моста, – беспокоится говорит бритоголовый. – Надо уходить. Быстро.

Он хватается за руку и подталкивает к маленькой Вере.

– Не спускай с неё глаз, – приказывает он ей.

Вера молча кивает. Что сможет сделать ребёнок, если я попытаюсь сбежать? Такое чувство, будто я подумала вслух. Девочка смотрит мне прямо в глаза, так пристально, что я теряюсь. Никак не могу понять – то ли она робот, то ли это такая роль, чтобы скрыть уязвимость. Бритоголовый делает знак двум другим типам, и они встают позади нас. Брюнетка идёт за ним следом, потом я, зажата между ними как в сэндвиче.

Я чувствую, что ловушка захлопнулась. Там, куда меня ведут, нет надежды обмануть кого-нибудь. Они очень скоро выяснят, кто я и каковы мои истинные мотивы. Я не выдержу долго. Применить мою способность сейчас? Но если я убью их всех, то выдам себя с головой. И у меня не будет уже никакого шанса выбраться отсюда. Я ужасаюсь тому, как легко я думаю об убийстве. Кажется, моя чудовищная миссия, едва начавшись, уже превратила меня в монстра. Быстрым шагом мы движемся к выходу из ангара. Выбора нет. Я сую руку в карман. Благодаря татуировке меня даже не обыскали. Сжимаю оружие, которое дала мне Л. Брюнетка вдруг оборачивается. У меня есть доля секунды, чтобы отказаться от своего намерения. Что же, попытаюсь обойтись без убийства.

У девушки хорошо развита интуиция. Она бросается на меня раньше, чем я успеваю вынуть руку из кармана. Я уклоняюсь и грубо толкаю её на бритоголового. Потом разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и бью по лицу одного из парней, идущих следом. Прямо моим оружием, идеально лежащим в ладони. Я разбила ему бровь. Кровь брызжет на мой рукав и на балахон Веры, которая в ужасе отступает. Пользуясь эффектом неожиданности, я бросаюсь в загруженный контейнерами узкий проход.

За спиной я слышу топот ног по бетону и лужам. Поворачиваю налево и прячусь, кинув быстрый взгляд через плечо. Раненый парень на месте, а остальные разделились. Бритоголовый и брюнетка заходят с одной стороны, Вера со вторым парнем – с другой. Я осторожно пробираюсь к выходу, змеясь между контейнерами. В огромном ангаре слышно даже, как стучит моё сердце. Шаги преследователей раздаются уже где-то наверху. Я поднимаю голову. Так, их тактика понятна. Высмотреть меня с высоты и пришить.

Выбираюсь из своего лабиринта и бегу к выходу. Его охраняет раненый. Неподвижно поджидает меня, пока остальные быстро окружают. В другом конце ангара замечаю железную дверь. Чтобы добраться до неё, нужно подняться по лестнице и пробежать по лёгким мосткам, тянущимся вдоль стены.

Я бросаюсь туда. Красная вспышка отражается от металла. Совсем рядом с моей головой. В обшивке ангара появляется дымящаяся дыра. Меня отбрасывает на пол, но, перекатившись через спину, я вскакиваю, оглушённая. Вот и лестница. Задыхаясь и перепрыгивая через три ступеньки, начинаю подниматься.

Когда я уже наверху, двое в другом конце помещения замечают меня и бросаются в мою сторону. Со всех ног бегу к двери. И вдруг дорогу преграждает третий. Он прицеливается. Я прижимаюсь к перилам. Красный луч пролетает мимо, почти коснувшись меня, и прошивает металл совсем рядом со мной. Контейнеры, покачнувшись, рушатся с ужасным грохотом, перекрывая путь тем двоим. Теперь они вынуждены будут бежать в обход. Я вытягиваю вперёд руку, и моё оружие слушается – из него вылетает луч. Но парень припадает к полу, и я промахиваюсь. Хочу выстрелить снова, но дикая боль прожигает руку. Я роняю оружие и, сжав зубы, быстро осматриваю плечо, потом рукав – раны нет. Мой противник уже передо мной. Шаги двух других, бегущих к нам, раздаются в огромном ангаре как взрывы бомб. Меня тошнит от того, что я собираюсь сделать, но другого выхода нет. Я смотрю ему прямо в глаза.

Парень опускает пушку и застывает с выпученными глазами.

Я концентрируюсь. Он сопротивляется, борется. Мой голос звенит у него в голове.

– *Слушайся.*

И вот он медленно разворачивает своё оружие и прикладывает дуло к виску.

– *Стреляй!*

Я зажмуриваюсь. Слышен сдавленный крик, детский всхлип. Когда я открываю глаза, парень лежит в луже крови. А над ним замерла потрясённая Вера. Двое других будут здесь через пару секунд.

– Не оставайся тут! – пытаюсь выговорить я. – Уходи! Слышишь?

Она смотрит на меня и качает головой. Я неспособна причинить ей зло. Как возмутительно, что они заставляют двенадцатилетнего ребёнка рисковать жизнью! Я вспоминаю брата. И решаю просто не обращать на Веру внимания. Поднимаю с пола оружие и бросаюсь к металлической двери. Нажимаю на ручку, не поддаётся. Со всей силы напираю плечом – и дверь распахивается. Я теряю равновесие – и падаю.

В последний момент рефлекторно вцепляюсь в створку. И повисаю над пустотой. Лестница уже давно обвалилась, искорёженный металлолом лежит далеко внизу. До земли метров пять. Порывы ветра сотрясают моё тело. Напрягаю мускулы, но пальцы скользят, железные занозы вонзаются в плоть, мне не удержаться.

Поднимаю глаза и вижу Веру. С искажённым лицом она стоит в проёме двери.

Внезапно вместо девочки я вижу Пуха.

Потом Жанну. И Нильса.

Их образы обрушиваются на меня неудержимо, как водопад. Бросаю взгляд вниз. Я цепляюсь уже только несколькими пальцами. И они начинают разжиматься.

Я срываюсь.

И, падая, вижу, как Вера захлопывает железную дверь.

* * *

Леди А. оборачивается. В полумраке лаборатории голубоватое свечение экранов придаёт её коже инопланетный оттенок. Леди А. проходит между полупрозрачных колонн и останавливается перед С.

– И вот она одна. Разоблачена как шпионка Центра. И теперь в бегах.

Тот пытается улыбнуться. Не говоря ни слова. Длинная рука леди А. взмывает в воздух и плавно, как листок бумаги, опускается на его стол.

– Прошло меньше часа, а эта девица уже нарушила все ваши планы и обнаружила себя. Вы ведь не предвидели такого, правда?

Она знает ответ, но настаивает.

– Это ваша протезе, ваше *создание*. Так думали ли вы, что при первом же случае она одним ударом разнесёт вдребезги всю вашу конструкцию?

– Я не собирался делать из неё работа. Она остаётся сво-

бодной в своих действиях, в своих решениях. Даже если...

– Даже если она сбежит от вас, – заканчивает леди А.

Она смотрит на С. своими светлыми глазами.

– Она улизнёт от вас, как мы и предчувствовали. И не только потому, что попала в эти джунгли. Главная причина – невыносимый характер. Надо устранить её. Пока не поздно.

После короткой паузы леди А. продолжает:

– У нас всего неделя, чтобы узнать. Чтобы увериться. Потом будет слишком поздно для сожалений. Мы больше ничего не сможем сделать.

– Никуда она от нас не денется, – уверенно отвечает С. – Её слабые места останутся теми же. Мы знаем их. И вы ей ясно дали это понять. И после седьмого декабря ничего не изменится.

Леди А. змеится по комнате, дотрагивается до стеклянных колонн, исчезает и появляется. После долгих минут молчания вновь раздаётся голос. Уже не такой жёсткий.

– Мы хотим проверить её силу, а не её слабость. Может, это подходящий случай?

– Я не уверен, что понял...

Осознав свою ошибку, С. осекается. Леди А. ненавидит, когда кто-то чего-нибудь не понимает. Но на этот раз она объясняет, даже не повышая голоса.

– Сейчас у неё нет ни поддержки, ни союзников. И скоро её начнут безжалостно преследовать. Если она действительно такая исключительно одарённая, как вы нам рассказыва-

ете, пусть докажет это. Она должна довести свою миссию до победного конца, даже если обстоятельства не благоприятствуют.

С. кивает.

– Ну так сделайте что-нибудь. Вы ведь можете связаться с ней, так? Если, конечно, ситуация окончательно не вышла у вас из-под контроля.

– Да, могу. Конечно.

– Тогда дайте ей новое оружие. Помогите. Немного времени для перезагрузки.

С. удивляется такому милосердию. Но недолго.

– Затем, – заключает леди А., – снова выводите её на арену.

Сначала это только очертания. Ослепительный свет входит в мой череп, как гвоздь. Меня трясут. Не грубо. Открываю глаза, картинка становится чётче. Треугольное лицо и два огромных ореховых глаза. Я узнаю Веру, девочку из ангара. Предыдущие события всплывают в памяти, я дёргаюсь. Движение отдаётся болью во всём теле. С губ срывается стон.

– Успокойся.

Голос низкий, немного хриплый. Высокий силуэт возникает за спиной Веры. Молодой человек с волосами до скул разглядывает меня тёмно-синими глазами. Никогда не видела таких глаз. Даже немного страшно. Он двигается плавно, бесшумно, как тигр. Угловатое, смелое лицо подчёркивает это сходство. Может, Вера доставила меня к местному палачу? Однако я так страдаю, что не способна даже волноваться. Он подходит ближе, давая себя рассмотреть.

– Ты меня слышишь?

Его лицо не враждебно. Но совершенно непроницаемо. Он берёт из рук Веры стакан, суёт мне в рот какую-то пилюлю и заставляет выпить. Я кашляю, задыхаюсь.

– Боль скоро пройдёт.

Такое чувство, будто мне сделали анестезию. Буквально за пару секунд уровень боли снижается до вполне терпимого. Я ищу глазами Веру.

– Это я позвала его, – просто говорит она.

Я наконец оглядываюсь вокруг. Мы находимся в маленькой комнате. Я лежу на простой кровати с синей простыней. Это не похоже ни на застенок, ни на тюрьму. Скорее на девчачью спальню. Шкаф и комод из светлого дерева, в нише у стены – туалетный столик. Письменный стол готов к работе: бумага, ручка, компьютер. Ещё в комнате полным-полно подушек, и это слегка раздражает. Я с трудом приподнимаюсь на локте и сквозь пластинки жалюзи различаю ночное небо. Сколько времени я уже здесь? Подождав, пока пройдёт головокружение, осторожно спускаю ноги с кровати. Вера отступает. Парень возвышается надо мной.

– Когда ты упала, Вера накрыла тебя брезентом и позвала меня.

Я слышу его слова, но не понимаю их смысла.

– Кто ты?

– Меня зовут Вигго. А кто ты?

Я пытаюсь сосредоточиться. Никому не доверять. Не говорить лишнего.

– Я Мила. Приехала из деревни.

Его взгляд пронизывает меня насквозь. Верит ли он? По крайней мере, больше не спрашивает.

– Вера спасла тебя. Подвергла себя риску. В том числе и тем, что привезла сюда. Если служба безопасности узнает...

– Спасибо, – говорю я, поворачиваясь к девочке. – А мы где?

– У меня дома, – отвечает Вера.

Второй раз в жизни я слышу её голос. Он звучит как скромная музыка, светлая и прохладная.

– У нас, – поправляется она. – У моих родителей и меня.

Я морщусь.

– Но они ещё не пришли, – уточняет Вера.

– Ты в Сити, – добавляет Вигго. – В одной из жилых колонн. В тринадцатой.

Он протягивает мне моё оружие.

– Откуда у тебя это?

Теперь его тон похож на допрос. Я по-прежнему не знаю, кто он и что делает здесь и вообще в Демосе.

– Из Центра, – отвечаю я.

Он молчит, словно ожидая продолжения.

– Контрабанда, – добавляю я.

– Что ты делала здесь?

– Ты из Службы безопасности? – защищаюсь я.

Его взгляд тяжелеет.

– Без нас ты бы сейчас была именно там. И ощутила бы разницу между моими вопросами и их методами добывать информацию из врага, который к тому же убил одного из их людей. Так что отвечай.

Я смотрю на него, потом на Веру. И решаюсь.

– Я приехала из деревни. Попытать удачу здесь, в городе.

– Тогда почему ты билась против бригады?

– Я просто хотела убежать. А потом защищалась, когда

они попытались меня убить.

– Почему же ты послушно не последовала за ними?

– Я не доверяла им. К тому же я вообще непослушная.

Он бросает быстрый взгляд на татуировку на моём предплечье. Потом снова осматривает меня, явно сомневаясь. Попытка уйти от ответа, кажется, не удалась. Знакомое отвратительное чувство, будто меня просвечивают насквозь.

– Это была плохая идея, – заключает Вигго. – По-моему, тебе лучше попытаться удачу где-нибудь в другом месте. Особенно если тебя разыскивает Служба безопасности.

– Ничего, выпутаюсь. И не волнуйтесь, тут я не останусь. Уйду прямо сейчас.

Я встаю. Головокружение усиливается. Я пошатываюсь. Вигго поддерживает меня за локоть и помогает вновь опуститься на кровать.

– Ты не в состоянии идти.

Он оборачивается к Вере:

– Ей можно остаться?

Та не отвечает.

– Скоро ты проведёшь сеанс совместного решения с родителями. Вы можете предложить... чтобы её назначили в ваш кокон?

Вера сжимает маленькие кулачки, так что костяшки становятся белыми. Вигго подходит, опускается перед ней на корточки и берёт за руки.

– В любом случае однажды это случилось бы, – произно-

сит он удивительно нежным голосом. – Ты ведь знаешь. Одна из ценностей Демоса – принятие. Мы принимаем людей, принимаем судьбу – всё, что даёт нам настоящее и готовит будущее.

Вера остановившимся взглядом смотрит в угол.

– Но это ничего не меняет, – продолжает он. – В этом конце и в этой комнате может оказаться кто угодно, для нас с тобой это не изменит ничего, согласна?

Вера не отвечает. Вигго гладит её по фарфоровому личику и поднимается. Бросает на меня ледяной взгляд. Мягко говоря, мне здесь не рады. Но он прав, прямо сейчас я не в силах покинуть этот дом. А если бы могла, то не знала бы, куда идти.

– Извините, я вижу, что...

– Следуй советам Веры, – перебивает Вигго. – Слушайся её. Это лучший способ, чтобы тебя забыли.

Он оборачивается на пороге.

– И чтобы остаться в живых.

Он бесшумно закрывает дверь и оставляет нас одних, в гнетущей тишине.

Вера так и стоит посреди комнаты, глядя в пустоту. Ненавижу такие ситуации. Я снова пытаюсь подняться, уже не так резко. Спускаю ноги с кровати и жду, пока это проклятое головокружение пройдёт. Чувствую, будто моя голова вертится в стиральной машинке.

– Я выйду, – говорю я. – Мне нужен свежий воздух.

– Ты должна остаться в нашем коконе, – бесцветным голосом произносит Вера.

Я рассеянно гляжу на неё. Это был ни совет, ни приказ. Нечто вроде очевидности.

– Что значит – в вашем коконе?

– То есть здесь, в нашей... семье.

Я отлично чувствую, что последнее слово даётся ей с трудом.

– Почему?

– Потому что тебя разыскивает Служба безопасности и ты не знаешь Сити.

Её логичность раздражает. Я упорствую.

– В любом случае ты совсем не хочешь, чтобы я оставалась здесь. И не в моих правилах навязываться.

Помолчав, Вера говорит:

– Ты можешь остаться.

Её голос звучит уже более по-человечески. Я оглядываюсь вокруг и вздыхаю.

– Кажется, у нас нет выбора. Ни у тебя, ни у меня. Кто он, этот Вигго, который всё за всех решает? Тоже член вашего... кокона?

– Он мой друг, – без колебаний отвечает она.

– Слишком взрослый, чтобы дружить с тобой. Тебе сколько? Одиннадцать? Двенадцать?

– Это мой друг, – повторяет Вера. – Почти брат.

Она наконец поворачивает голову ко мне. Её взгляд так

пронзителен, полон такой решимости, что производит на меня неожиданно сильное впечатление. Теперь я не знаю, что и думать о ней.

– Можно ещё вопрос? Если только ты уже не исчерпала свой дневной запас слов.

Мой ненужный сарказм отскакивает от Веры. Она молча кивает.

– Почему ты меня спасла?

Поколебавшись, Вера всё же решается:

– Потому что ты не враг.

– Откуда ты знаешь? Я стреляла в твоего товарища из Службы безопасности.

Она пожимает плечами.

– Просто знаю, и всё.

– А почему Вигго мне помог?

– Потому что я попросила.

– Он делает всё, что ты хочешь?

Вера качает головой. Я улыбаюсь, чтобы разрядить атмосферу.

– Этот парень просто у твоих ног. Была б ты постарше, я бы сказала, что он влюблён в тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.